

**ЭКСПЕДИЦИЯ АКАДЕМИКА
Г.И. ЛАНГСДОРФА В БРАЗИЛИЮ
(1821–1829 ГГ.)**

ПО ФОНДАМ СПБ ФИЛИАЛА АРХИВА РАН

СОДЕРЖАНИЕ

- **ВВЕДЕНИЕ**
- **ПРЕБЫВАНИЕ НА ОСТРОВЕ САНТА-КАТАРИНА.
1803-1804 ГГ.**
- **ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА В БРАЗИЛИИ
В 1813–1820 ГГ.**
- **НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПО БРАЗИЛИИ
1821–1829 ГГ.**

**Е.Ю. БАСАРГИНА, Е.Н. ГРУЗДЕВА, И.М. ЩЕДРОВА,
О.В. ИОДКО, М.В. ПОНИКАРОВСКАЯ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ: Е.Ю. БАСАРГИНОЙ И И.В. ТУНКИНОЙ**

***«Нечего и придумывать приключений в
путешествии столь дальнем, как наше, или
сочинять сказки о нем, оно само по себе дает
такую массу замечательного и интересного, что
надо стараться, лишь бы все заметить и не
пропустить ничего»***

Г.И. Лангсдорф

ВВЕДЕНИЕ

Русские географические исследования первой трети XIX в., начиная с кругосветного плавания И.Ф. Крузенштерна, приобрели, по определению К.М. Бэра, всемирно-историческое значение. В 1820-е гг. научные работы проводили экспедиции Ф.П. Литке (1820–1824) у берегов Новой Земли, Ф.П. Врангеля (1820–1824) по северным берегам Сибири и Ф.Ф. Беллинсгаузена (1819–1822) в морях южного полушария.

Видное место в ряду замечательных российских экспедиций в мало изученные области земного шара занимает первая русская экспедиция в Бразилию. Несмотря на драматичное завершение экспедиции, она стала одним из крупнейших научных предприятий Императорской Академии наук первой трети XIX века.

Организатором и руководителем экспедиции был академик Г.И. Лангсдорф – естествоиспытатель, путешественник и дипломат, родоначальник отечественной американистики.

Более ста лет история экспедиции и судьба ее коллекций вызывают неослабевающий интерес этнографов, ботаников и зоологов, историков науки и искусствоведов (1).

Первым о научном подвиге Лангсдорфа и его спутников рассказал этнограф-американист Г.Г. Манизер (1889–1917), участник второй русской экспедиции в Южную Америку в 1914–1915 гг., погибший в июне 1917 г. на Южном фронте.

Его работа увидела свет только в 1948 г. под заглавием «Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию (1821–1828)». Книгу Манизера подготовила к печати сотрудница Института этнографии АН СССР Н.Г. Шпринцин (1904–1963), которая увлеклась историей экспедиции и много сделала для изучения ее архива.

В 1930-е–1960-е гг. интерес к экспедиции и личности ее руководителя стал возрастать. Важным стимулом к появлению новых работ, посвященных отдельным аспектам деятельности экспедиции, явился двухсотлетний юбилей Лангсдорфа в 1974 г., отмеченный специальной конференцией (2). С начала 1960-х гг. историей первой русской экспедиции в Бразилию занялся историк-американист Б.Н. Комиссаров. Он всесторонне изучил деятельность экспедиции, опубликовал ряд монографий и статей в отечественных и зарубежных изданиях (3). Именно его труды способствовали привлечению внимания зарубежных исследователей к документальным и изобразительным материалам экспедиции, хранящимся в СССР (4).

За рубежом интенсивно изучаются биографии и творчество художников экспедиции. Сегодня в Бразилии о российской экспедиции Лангсдорфа знают все, кто интересуется историей своей страны, чему в немалой степени содействовали выставки, посвященные ее научному и художественному наследию (5). В 2000 г. бразильская кинокомпания «Грифа синематографика» сняла видеофильм «По пути экспедиции Лангсдорфа».

Основным источником для изучения истории экспедиции служат документальные материалы, которые в настоящее время хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПФ АРАН). Они включают ценные научные и изобразительные материалы (рукописи трудов и полевые записи, коллекцию документов по истории Бразилии, акварельные и карандашные рисунки участников), характеризующие научные итоги исследований экспедиции.

До нас дошли научно-организационные документы по истории организации проведения экспедиции, которые позволяют более точно реконструировать и проследить по датам ее маршрут,

охарактеризовать основные этапы ее проведения, осветить ротацию ее личного состава и научные итоги. Множество документов отражает роль Академии наук в осуществлении экспедиции и в судьбе ее коллекций.

Ядро экспедиционных материалов составляют дневники участников экспедиции и описания путешествия. В них сосредоточен огромный фактический материал зоологического, ботанического, минералогического, географического, метеорологического, лингвистического характера, а также разнообразные данные по социально-экономической истории и этнографии Бразилии. Кроме того, дневники участников экспедиции дают представление об испытаниях, выпавших на долю Лангсдорфа и его спутников во время длительного путешествия в малоисследованные уголки Южной Америки.

В СПФ АРАН хорошо представлен изобразительный материал экспедиции, хотя значительное число рисунков художников, участвовавших в ее работе, осталось за рубежом. Рисунки представляют своего рода живописную летопись путешествий Лангсдорфа и его спутников: художники запечатлели ландшафты Бразилии, ее флору и фауну, типы местных жителей, виды населенных пунктов. Большая часть сцен как будто оживает перед глазами зрителей. Изобразительные документы экспедиции служат яркой иллюстрацией к рукописным источникам, повествующим о Бразилии первой трети XIX в.

ПРЕБЫВАНИЕ НА ОСТРОВЕ САНТА-КАТАРИНА.

1803-1804 ГГ.

Судьба Георга Генриха фон Лангсдорфа (Georg Heinrich Freiherr von Langsdorff, в России – Григорий Иванович, 1774–1852) необычна. Представитель немецкого дворянского рода, он родился в городке Вёлльштейн в германском княжестве Гессен-Дармштадт. Молодой человек получил образование в Гёттингенском университете, где посвятил себя медицине и естественным наукам, причем на него оказали большое влияние

лекции блиставшего в то время анатома и антрополога И. Ф. Блюменбаха.

В 1797 г., в возрасте 23 лет, Лангсдорф защитил диссертацию о повивальном искусстве и стал доктором медицины. Вскоре ученый поселился в Португалии, где занялся медицинской практикой и естественнонаучными исследованиями. За два года своего пребывания в Португалии он настолько освоился с португальским языком, что печатал на нем свои работы по медицине.

Живя в Лиссабоне, Лангсдорф установил связи с Петербургской Академией наук и в январе 1803 г. был избран ее членом-корреспондентом. В том же году он стал почетным членом Метеорологического общества во Франкфурте-на Майне, а еще раньше – членом-корреспондентом Баварской Академии наук в Мюнхене. Международное признание воодушевило молодого ученого.

«Слепая любовь к естественной истории» пробудила в Лангсдорфе горячее желание отправиться в большое путешествие. Когда в 1803 г. он узнал о предстоящей кругосветной экспедиции И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского, ученый проявил большую настойчивость, чтобы присоединиться к ней. Хотя экипаж был уже полностью укомплектован, а натуралистом назначен лейпцигский ботаник В.Г. Тилезиус фон Тиленау, Лангсдорф, по словам Крузенштерна, «победил невозможности» и был принят на борт корабля «Надежда» (6).

Во время экспедиции Лангсдорф посетил полмира, вместе с посольством Н.П. Резанова побывал в Японии. Знакомство с Россией началось для естествоиспытателя с Камчатки: он изъездил полуостров вдоль и поперек на собачьих упряжках, провел исследование наркотических веществ и описал использование галлюциногенных мухоморов ительменскими и корякскими шаманами. В марте 1808 г. через Сибирь Лангсдорф прибыл в Петербург, где в том же году стал адъюнктом Академии наук.

Кругосветное путешествие имело большое значение для формирования Лангсдорфа как ученого, оно существенно расширило круг его научных интересов и обогатило опытом полевой работы. Его дальнейшую судьбу во многом определило шестинедельное пребывание (с 20 декабря 1803 г. по 4 февраля 1804 г.) на бразильском острове Санта-Катарина. Еще в Португалии Лангсдорф много слышал

о Бразилии, но то, что он тут увидел, превзошло все его ожидания. Ученый был покорен экзотическим царством природы, его ошеломило буйство тропиков, поразило разнообразие форм и причудливость окраски растений и животных.

Лангсдорф и Тилезиус фон Тиленау были едва ли не первыми естествоиспытателями, посетившими Бразилию. В то время Португалия держала свою колонию в строгой изоляции и не допускала в нее иностранцев, не сделав исключения даже для А. Гумбольдта, когда он несколькими годами раньше путешествовал по Америке.

Лангсдорф увлеченно и самозабвенно занимался полевыми исследованиями, собирал гербарий, составлял энтомологическую коллекцию, делал зарисовки. Зоологические и ботанические наблюдения соседствовали с материалами по этнографии, экономической географии и страноведению.

Лангсдорф пользовался каждой возможностью для биологических сборов. Не знавшее удержу коллекторское рвение Лангсдорфа далеко не всем было понятно. «Если поймут рыбу, то Лангсдорф из нее делает чучело, если есть птица, которую мы поймали, то охотник получает ее, чтобы сделать из нее чучело.

Насекомых и червей сразу накальвают на иглы, а что нельзя превратить в чучело, насадить на иглу или высушить, то засовывают в спирт», – сетовал член команды лейтенант Е.Е. Левенштерн (7).

Отличаясь острой наблюдательностью, Лангсдорф старался подмечать мельчайшие бытовые детали и найти объяснение тому, что на первый взгляд ему казалось необычным. Например, он отметил процедуру ежедневного мытья ног теплой водой: это было связано с тем, что многочисленные насекомые откладывали личинки в поры кожи босой стопы, которые вызывали язвы и причиняли сильную боль. Один из членов экспедиции граф Ф.И. Толстой (тот самый, который по окончании экспедиции получил прозвище Американец и своими эксцентричными выходками заслужил репутацию самого необузданного человека Российской империи), пренебрег простым правилом гигиены. Лангсдорф прооперировал Толстого и «вырезал бесчисленное множество яиц» (8).

Краткого пребывания на острове Санта-Катарина было совершенно недостаточно для того, чтобы ученый смог составить целостное

представление о природе острова и его жителях. По окончании экспедиции Лангсдорф описал свои наблюдения. Это единственный подробный отчет ученого о его пребывании в Бразилии.

Рассказ Лангсдорфа вошел в его фундаментальный труд, озаглавленный им в духе немецкой школы – «Замечания о путешествии вокруг света в 1803–1807 гг.». Книга была издана во Франкфурте-на-Майне в 1812 г. в двух томах на немецком языке и вскоре была переведена на английский и голландский языки (9). Разнообразие нового материала, живое изложение увиденного и многочисленные иллюстрации снискали книге широкую известность и в 1812 г. принесли ее автору звание экстраординарного академика Петербургской Академии наук.

Главный вывод, который Лангсдорф сделал из всего увиденного: «Бразилия – одно из мест Земли, которое еще долго будет богатым источником открытий. Разнообразие животных и растений здесь так велико, что самые красочные и совершенные иллюстрации не могут передать невыразимую красоту природы» (10).

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА В БРАЗИЛИИ

В 1813–1820 ГГ.

Судьба была благосклонна к Лангсдорфу, который после посещения о. Санта-Катарина мечтал вернуться в Бразилию и продолжить изучение любимшейся ему страны. В декабре 1812 г. он был назначен российским генеральным консулом в Рио-де-Жанейро. Эта должность была учреждена после издания в мае 1810 г. манифеста об открытии русско-бразильской торговли. Рио-де-Жанейро рассматривался как опорный пункт для кораблей, следующих из Европейской России в Русскую Америку. В бразильских портах суда останавливались для ремонта, пополнения продовольственных и других запасов. Консулу надлежало оказывать экипажам кораблей всяческое содействие, изучать бразильский рынок и спрос на русские товары.

Обязанности консула не показались Лангсдорфу слишком обременительными – он надеялся совмещать их с научными исследованиями Бразилии. Весной 1813 г. Лангсдорф вместе со своей молодой женой Фридерикой Федоровной Шуберт (дочерью астронома, академика Ф.И. Шуберта) прибыл в Рио-де-Жанейро.

В течение десяти лет Лангсдорф оставался единственным представителем российской науки в Южной Америке и, сохранив за собой академическое звание, поддерживал постоянную связь с Петербургской Академией наук, сообщая различные сведения об этой стране, о населяющих ее племенах и высылая естественнонаучные коллекции. В первых письмах в Петербург он сообщил свои наблюдения и словарные материалы языка индейцев племени ботокудо. Чтобы узнать их поближе, Лангсдорф взял к себе в дом в качестве слуги мальчика-ботокудо. Гости Лангсдорфа немного побаивались прислуживавшего им маленького дикаря (11).

Следует отметить, что помимо Петербургской Академии наук собранные Лангсдорфом научные коллекции получали в дар музеи Гамбурга, Парижа и Лондона.

В это время в Бразилии происходили важные политические и экономические изменения, определившие ее дальнейшую судьбу. В 1808 г. королевский двор Португалии, спасаясь от наполеоновских войск, обосновался в Рио-де-Жанейро, поэтому положение колонии резко изменилось. Нововведения следовали одно за другим: принц-регент Жуан создал свое министерство и Государственный Совет, Верховный Суд, монетный двор и Банк Бразилии. Порты Бразилии, до того времени закрытые для иностранной торговли, получили право принимать корабли других стран, появились первые предприятия, т.к. развитие земледелия и промышленности поощрялось властями. Тогда же были основаны академия математических и военных наук, госпиталь, школы анатомии, хирургии и медицины, выстроено множество замечательных зданий и театр. С целью создания национальной Академии искусств по образцу аналогичных европейских академий в Бразилию была выписана группа французских мастеров с Ж. Дебре и братьями Тонэй во главе. За короткое время Рио-де-Жанейро, некогда сонный колониальный городок, совершенно преобразился – из временной резиденции португальского двора он превратился в центр крупного латиноамериканского государства. Важнейших итогом проведенных

преобразований стало создание в 1815 г. Объединенного королевства Португалии, Бразилии и Альгарвы, королем которого в 1816 г. стал Жуан VI.

Лангсдорф пользовался большим авторитетом в правительственных кругах и среди членов дипломатического корпуса Рио-де-Жанейро, чему в немалой степени содействовал международный престиж России и личные качества консула.

Разносторонние знания, свободное владение португальским языком, звание академика Петербургской академии наук и репутация опытного врача помогли Лангсдорфу заслужить благосклонность Жуана VI и завязать широкие знакомства в правительственных, дипломатических и научных кругах.

Бразилия, ранее совершенно закрытая для европейских исследователей, стала местом настоящего научного паломничества: экспедиции европейских ученых приезжали сюда одна за другой. В 1809 г. на португальскую службу был приглашен университетский товарищ Лангсдорфа, немецкий горный инженер В. Эшвеге, который служил генеральным директором всех приисков Минас-Жерайса и положил начало его геологическому изучению. В 1815–1817 гг. немецкий путешественник и натуралист принц Максимилиан Вид-Нойвид вместе с естествоиспытателями В. Селовым и Г.В. Фрейресом объехал внутренние провинции Бразилии.

В 1817 г., вскоре после свадьбы наследного принца Педру и эрцгерцогини Леопольдины, дочери австрийского императора Франца I, известной покровительницы ученых, в составе дипломатического корпуса в Бразилию прибыла большая австро-баварская научная экспедиция. Среди ее участников особо выделялись два баварца – ботаник Карл Мартиус и зоолог Иоганн Шпикс, которые были первыми широко образованными специалистами, изучившими географию, флору и фауну всего бассейна Сан-Франсиску и прилегающих районов плоскогорья.

Лангсдорф тоже много времени посвящал изучению Бразилии, расширяя свое представление о ней во время экскурсий по окрестностям Рио-де-Жанейро. Страстный коллекционер, он часами бродил по лесам, выискивал экзотические растения, охотился за птицами и насекомыми. В 1816 г. вместе с французским натуралистом

О. Сент-Илером он три месяца путешествовал по провинции Минас-Жерайс.

Под влиянием коллег у Лангсдорфа зародился замысел большой экспедиции по стране. Лангсдорф не стеснялся утверждать, что этот план достоин «величия Александра Великого» (12). Лангсдорф начал собирать разнообразные сведения о Бразилии, обращая преимущественное внимание на изучение географических и политического положения тех местностей и народов, которые он собирался посетить.

Свежий материал по истории и экономике страны он черпал в архивах, библиотеках и музеях Рио-де-Жанейро.

Широкому знакомству Лангсдорфа с хозяйственным укладом страны и условиями жизни ее населения в немалой степени способствовало его положение российского дипломата.

Помимо научного интереса углубиться в вопросы экономики Лангсдорфа побудило важное личное обстоятельство. Через несколько лет после приезда в Бразилию Лангсдорф стал землевладельцем. В его фазенде Мандиоке, расположенной в 50 км к северу от Рио-де-Жанейро и занимавшей площадь 25 кв. км, была обширная для начала XIX в. кофейная плантация, выращивались маниок, маис, индиго. В фазенде работали в разные годы от 30 до 60 рабов.

В поместье был большой двухэтажный господский дом, постоянный двор для проезжающих, многочисленные хозяйственные постройки. Лангсдорф мечтал превратить свою фазенду в настоящий научный и культурный центр: он разбил здесь ботанический сад, перевез из Рио-де-Жанейро свою богатую библиотеку и создал естественнонаучный музей.

Поместье русского консула стало местной достопримечательностью: его нередко посещали представители бразильской администрации, иностранные ученые, мореплаватели, прибывавшие в Рио-де-Жанейро, в том числе русские. В 1819 г. генеральный консул устроил большой прием в честь прибывшего в Рио-де-Жанейро Ф.Ф. Беллинсгаузена. Дамы, следуя европейской моде, явились на бал в декольтированных платьях, но вскоре пожалели об этом, потому что москиты плотным слоем покрыли их обнаженные руки и плечи. Назойливые насекомые повсюду докучали европейцам.

Лангсдорф мирился с неизбежными неудобствами местной жизни и намеревался создать в поместье образцовое поселение, наладить здесь мануфактурное производство и применять прогрессивные методы ведения сельского хозяйства. Стремясь заселить свои земли выходцами из Европы, он много сделал для пропаганды иммиграции в Бразилию.

Правительство, которое раньше заботилось только об интересах метрополии, теперь старалось поднять экономику Бразилии и стало поощрять иммиграцию.

Страна, освобождаясь от колониальных пут, испытывала острый недостаток рабочих рук: ее население не превышало 3 млн. человек, рассеянных по огромной земле, простиравшейся более чем на 8,5 млн. кв.км.

Чтобы ускорить развитие сельского хозяйства, правительство Бразилии объявило большие льготы для иммигрантов, пообещав им не только оплату проезда, но и предоставление земли, животных, сельскохозяйственных орудий. Дальнейшее становление колониста на ноги было целиком делом его личной предприимчивости. Первыми откликнулись на это приглашение немцы и швейцарцы, основавшие в 1819 г. в штате Рио-де-Жанейро колонию Ново Фрибурго (Novo Friburgo).

Лангсдорф воспользовался открывшейся возможностью и затеял собственное колониальное предприятие. В деле организации колонии он проявил себя как энергичный и расчетливый предприниматель, но даже в своих воззваниях, адресованных желающим переселиться в Бразилию, Лангсдорф не мог сдержать восторга перед красотой тропической природы. «Кто тоскует по поэтическому настроению, – пусть едет в Бразилию, там поэтическая природа ответит его стремлениям», – зазывал европейских переселенцев консул (13).

В 1820 г. Лангсдорф взял отпуск и отправился в Европу вербовать колонистов, заранее добившись от правительства освобождения будущих обитателей Мандиоки от многих государственных повинностей. Свою судьбу ему доверили 30 немецких семей, которые готовы были отправиться в Бразилию в поисках лучшей жизни. На свои средства Лангсдорф зафрахтовал судно «Дорис» и доставил на нем колонистов и некоторых членов задуманной им экспедиции.

Однако колониальное предприятие оказалось Лангсдорфу не по средствам и потерпело крах. Большая часть прибывших разбрелась по немецким колониям, основанным бразильским правительством. В Мандиоке обосновалось только несколько семей поселенцев. В 1827 г. Лангсдорф выгодно продал свою фазенду.

НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПО БРАЗИЛИИ

1821–1829 ГГ.

ПОЕЗДКА ЛАНГСДОРФА В ПЕТЕРБУРГ ДЛЯ УТВЕРЖДЕНИЯ ПРОЕКТА И ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕДИЦИИ

Неудача, постигшая Лангсдорфа как предпринимателя, с лихвой компенсировалась успехом его международного научного экспедиционного проекта. В начале весны 1821 г. Лангсдорф приехал в Петербург, передал в Академию наук часть своих минералогических и зоологических коллекций и представил Конференции (Общему собранию академиков) отчет о проведенных в Бразилии исследованиях. Научная деятельность Лангсдорфа получила одобрение коллег, выразивших желание, чтобы Лангсдорф продолжил в Бразилии свои плодотворные занятия.

Ободренный похвалами сочленов по АН и наградами правительства, удостоившего его орденом Св. Владимира и чина статского советника, 13 июня 1821 г. Лангсдорф представил вице-канцлеру К.В. Нессельроде проект экспедиции во внутренние области Бразилии. Согласно проекту круг задач будущей экспедиции был широк и разнообразен: «Ученые открытия, географические, статистические и другие исследования, изучение неизвестных до сих пор в торговле продуктов, коллекции предметов из всех царств природы» (14).

Крупное научное предприятие должно было содействовать укреплению международного престижа России. «Участие и высокое покровительство, оказываемые его императорским величеством наукам, – писал Лангсдорф, – ученые путешествия по Бразилии, снаряжаемые разными монархами Европы <...> равно как и желание,

чтобы Россия не отставала также от других держав, – все это побуждает меня надеяться, что Ваше превосходительство сами, как покровитель наук и мой знаменитый начальник, пожелаете содействовать тому, чтобы его императорское величество благоволил мне соизволить – совершить путешествие во внутренность этого Нового света, дав мне на то средства с обычною ему щедростью, когда дело идет о том, чтобы двигать науки вперед» (15).

Ходатайство Лангсдорфа увенчалось быстрым и блестящим успехом. Уже через неделю, 21 июня 1821 г. Александр I взял экспедицию под свое покровительство и подписал рескрипт о финансировании экспедиции за счет средств ведомства иностранных дел. На нужды экспедиции в Бразилию российское государство ассигновало значительные средства: 40 тысяч рублей единовременно и по 10 тысяч рублей ежегодно, причем продолжительность экспедиции нигде не оговаривалась, а ежегодная субсидия затем была увеличена до 30 тысяч рублей – огромная по тем временам сумма.

Президент Академии наук граф С.С. Уваров поставил в известность Конференцию АН об императорском указе. Академия наук, «будучи уверена в рвении, с которым г-н Лангсдорф в качестве экстраординарного академика постарается, чтобы его предполагаемые путешествия внутрь Бразилии были плодотворны также для Академии и ее музеев», одобрила идею экспедиции и предоставила Лангсдорфу полную свободу действий в выборе маршрута и помощников (16).

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛАНГСДОРФА В БРАЗИЛИЮ В 1822 Г.

Начало экспедиции совпало с одним из переломных моментов в истории Бразилии. В 1822 г. это огромная латиноамериканская колония отложила от своей метрополии: 7 сентября наследник престола Педру провозгласил независимость Бразилии и 1 декабря был торжественно коронован под именем императора Педру I.

В Петербурге деятельность Педру и провозглашение им независимости Бразилии рассматривались как мятеж, поднятый против его отца короля Жуана VI, в апреле 1821 г. вернувшегося в Лиссабон. Следом за ним в столицу страны переехала и российская миссия.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ЭКСПЕДИЦИИ

Для комплексного изучения Бразилии были привлечены специалисты по разным областям знаний. Помимо Лангсдорфа в экспедиции приняли участие астроном и картограф Н.Г. Рубцов, ботаник Л. Ридель, зоологи Э.П. Менетрие и Х. Гассе, художники М. Ругендас, Г. Флоранс и А. Тонэй. Среди спутников ученого был охотник и чучельник Г. Фрейрес (1789–1825), который приехал с Лангсдорфом в Бразилию еще в 1812 г. и накопил большой опыт во время путешествий с В. Эшwege и Ф. Селовым. Состав экспедиции не был постоянным, на место выбывших сотрудников приглашались новые.

Жан-Морис-Эдуард (на русской службе Эдуард Петрович) Менетрие (Édouard Ménétriés, 1802–1861) был первым, кого Лангсдорф пригласил с собой в Бразилию (17). Менетрие родился в Париже. Вдохновившись открытиями и успехами естествознания того времени, он решил посвятить себя занятиям биологией. Менетрие учился у Жоржа Кювье и «отца энтомологии» Пьера Латрейля. В формировании его как натуралиста-путешественника определенную роль сыграл А. Гумбольдт (18). Когда в 1820 г. Лангсдорф заключил с Менетрие контракт, он служил в Jardin de Plantes в Париже, главном ботаническом саду Франции, заложенном еще Людовиком XIV.

Менетрие тяжело переносил местный бразильский климат, но добросовестно собирал зоологические коллекции. В Мандиоке он вел дневник охоты (Journal de chasse de Mandioca, Année 1822) (19); его путевой дневник за период с октября 1821 г. по сентябрь 1825 г. содержит разнообразные заметки о Бразилии той поры (20). В июне 1825 г. по истечении срока контракта Менетрие уехал из Бразилии. На его место был принят молодой немецкий врач и натуралист Христиан Гассе.

По совету академика Ф.И. Шуберта в состав экспедиции был включен астроном с целью проведения геодезических работ, топографической съемки местности, составления планов и вычерчивания карт.

Адмирал В.М. Головнин рекомендовал в состав бразильской экспедиции Нестора Гавриловича Рубцова (1799–1861) (21). Потомственный моряк, Рубцов получил образование в школе при Главном гребном порте и в Штурманском училище Балтийского флота. После окончания училища в 1818 г. он был направлен во флот в

звании штурманского помощника унтер-офицерского чина, ходил на кораблях Балтийского флота.

Рубцов четко и аккуратно проводил астрономические, метеорологические и географические наблюдения, определял течение и географический режим рек, снимал планы населенных пунктов и чертил карты местности. Результаты наблюдений за первые два года путешествий были им обобщены в работе «Обсервации в вояже в Бразилии по провинции Рио-де-Жанейро» в 1822–1823 гг. (22).

Интересы Рубцова далеко выходили за пределы его прямых обязанностей. Об этом свидетельствует его рукопись «Путешествие Лангсдорфа в Южную Америку в 1820-х годах». Помимо астрономических и физико-географических данных, автор приводит сведения о разных городах, рисует хозяйственно-бытовые картины, описывает индейские племена, приводит статистические данные о численности населения и поголовья скота и т. д. К сожалению, опубликован лишь небольшой фрагмент рукописи Рубцова (23).

О Рубцове Лангсдорф мог «сказать только самое хорошее: он отменно воспитан, скромн, прилежен и заслуживает соответствующего внимания со стороны правительства» (24).

В 1822 г. к экспедиции присоединился знаток тропической флоры Людвиг Ридель (1791–1861) (25). Уроженец Берлина, он был сначала садоводом в Лионе, а в 1816–1819 гг. служил в ботаническом саду в Дерпте. В начале 1821 г. Ридель прибыл в Бразилию и в течение полутора лет изучал флору побережья провинции Баия, составив превосходный гербарий. Во время путешествия он серьезно подорвал свое здоровье, лишился вещей и документов, уплывших на корабле без него.

Находясь на грани нищеты, Ридель решился написать о своем положении Лангсдорфу. Тот не только помог Риделю деньгами, но предложил войти в состав экспедиции и поселил его в Мандиоке. Все свои гербарии, собранные за полтора года путешествий по Бразилии, Ридель передал экспедиции Лангсдорфа. Поправив здоровье, в январе 1823 г. он начал собирать гербарий в окрестностях поместья.

Ридель, опытный и преданный своему делу натуралист, был для Лангсдорфа просто находкой. В черновике контракта Риделя указано, что в его обязанности входит не только сбор ботанических коллекций, но и руководство другими участниками экспедиции (26). В своих

отчетах Лангсдорф постоянно его хвалил. Например, в апреле 1827 г. он сообщил в Петербург: «Ботаник Ридель работал для науки очень усердно и с очень большим успехом; он добыл замечательное собрание редких растений и семян, которое он будет постепенно присоединять, согласно назначению, к коллекциям Императорского Ботанического сада в Петербурге» (27).

Как и другие члены экспедиции, Ридель вел путевые дневники. Дневники за 1820–1823, 1827–1829 гг. хранятся в Национальной библиотеке в Рио-де-Жанейро.

На поиски первого художника для экспедиции Лангсдорф отправился в 1821 г. в Западную Европу. В Баварии он подписал контракт с девятнадцатилетним Иоганном Морицем Ругендасом (Johann Moritz Rugendas, 1802–1858) – потомственным живописцем. Первоначальное образование Ругендас получил в художественной школе, основанной его отцом Иоганном Лоренцем, а затем учился в Мюнхенской академии (28). Не закончив образования, 19-летний Ругендас, вдохновившись идеей И.Г. Гердера «исколесить мир с карандашом в руках», принял приглашение Лангсдорфа отправиться в Бразилию (29). Однако отношения с Ругендасом у Лангсдорфа не сложились – молодой одаренный художник отличался сложностью характера. Его невероятная строптивость и постоянное желание настоять на своем приводили к частым стычкам между путешественниками.

1 ноября 1824 г. Ругендас поссорился с Лангсдорфом и уехал из экспедиции, оставив ее на полгода без художника. В нарушение контракта он увез с собой значительную часть рисунков, которые Лангсдорф считал собственностью экспедиции. В СПФ АРАН хранятся 79 рисунков Ругендаса с изображением ландшафтов, быта индейцев, негров и колонистов. К сожалению, большинство их плохо документировано, часть осталась незаконченной художником.

Расторгнув контракт с Ругендасом, Лангсдорф решил нанять сразу двух художников. В 1825 г. через вице-консула Кильхена он обратился к А. Тонэю. Амадей Адриан Тонэй (Amadey Adriane Taunay 1802/1803–1828) был сыном французского живописца Н.А. Тонэя, приехавшего в 1816 г. в Рио-де-Жанейро в составе «артистической миссии» (30). Адриан родился во Франции и в 1818–1820 гг. принимал участие в экспедиции

Л.К. де Фрейсине к Южному океану для исследования формы земного шара.

Лангсдорф высоко оценивал его дарование: «Тонэй был настоящий, гениальный художник, в полном смысле слова. Острое воображение, склонность к музыке, механике, живописи, к этому легкомыслие и дерзание безграничное <...>. Его эскизы были таковы, что только он один был в состоянии смотреть на них. Я его часто дружески предупреждал. Если он был в ударе, он в один час делал больше, чем другой за полдня. Искусство его таланта состояло в том, что он четко видел предмет, он был прекрасный рисовальщик. Он много читал, занимался самообразованием и имел великолепную зрительную память, своего отца он очень точно зарисовал, также короля Педро I, которого он случайно, раз или два мельком видел на улице <...> и карикатурно его изобразил. Он слишком быстро все заканчивал и не прилагал особого труда ни к чему» (31). Лангсдорф, бывало, бранил Тонэя за легкомыслие и говорил, что тот причиняет ему «больше хлопот, чем все остальные члены экспедиции вместе взятые» (32). В начале 1828 г. 26-летний Тонэй утонул в Гуапоре.

В СПФ АРАН хранится 152 рисунка Тонэя, из которых наиболее выразительными являются изображения индейцев племени бороро и метисов.

Художник Эркюль Флоранс (Antoine Hercule Romuald Florence, 1804–1879) был сыном солдата. Он родился в Ницце, детство провел в Монако (33). В 1824 г. на фрегате «Мария-Терезия» под командованием адмирала Розамеля он прибыл в Рио-де-Жанейро, где работал в книжном магазине и типографии основателя торгового журнала Пьера Планше. Из объявления в 1825 г. он узнал, что русской экспедиции требуется художник, и был принят Лангсдорфом в ее состав (34). Экспедиции Флоранс был вдвойне полезен, потому что был хорошо знаком с картографией.

Флоранс был не только художником, но и вдумчивым наблюдателем и глубоким исследователем. Пояснения к большинству экспедиционных рисунков были сделаны именно им, он же составлял описи рисунков. В феврале–апреле 1827 г. Флоранс написал очерк о путешествии из Порту-Фелис в столицу провинции Мату-Гросу – Куябу, с описанием рисунков, выполненных во время плавания (35). Очерк был издан Н.Г. Шпринцин в переводе Е.М. Кубиш (36).

На протяжении всего путешествия Флоранс вел путевой дневник, который охватывал два периода – с 3 сентября 1825 г. по 30 января 1827 г. и с февраля 1827 г. по 26 марта 1829 г., дня окончания путешествия. После поездки Флоранс скопировал и отредактировал свои путевые записи, внося в них некоторые дополнения и пояснения. Список первой части дневника он подарил семье А. Тонэ, список второй части переслал в Петербург. Местонахождение подлинного путевого дневника Флоранса до сих пор неизвестно.

В 1874 г. племянник А. Тонэ, писатель и политический деятель Алфредо д'Эскраньоль Тонэй обнаружил список первой части дневника Флоранса среди старых семейных бумаг. Тонэй-младший немедленно написал об этом Флорансу, а в ответ получил от него написанные художником в 1855–1860 гг. записки о путешествии. В 1875–1876 г., с согласия автора, он опубликовал их в переводе с французского на португальский язык. Почти полвека записки Флоранса служили единственным источником сведений об экспедиции и несколько раз переиздавались.

Вторая часть списка дневника Флоранса, отосланная в Петербург, хранится в СПФ АРАН (38). В 1950 г. она была переведена на русский язык Н.Г. Шпринцин (39). В 1970-е гг. заключительную часть рукописи за период с 31 марта 1828 г. по 26 марта 1829 г. издал Б.Н. Комиссаров (40).

Дневник представляет собой литературно обработанные полевые записи, которые Флоранс делал почти ежедневно, за исключением тех дней, когда его мучили приступы тропической лихорадки. 1 апреля 1828 г. он писал: «Я перестал вести свой дневник, потому что у меня были сильные головные боли, очень большая слабость и полное отвращение к еде. Двумя днями позднее начались озноб и лихорадка. Хотя болезнь мучила меня меньше, чем других (я лишь изредка подвергался припадкам), регулярно вести дневник мне не удалось. Часть записей была сделана непосредственно на месте, а часть по памяти, в Сантарене, поэтому иногда будут перерывы между записями» (41).

Ценность его дневника заключается не только в описании путешествия, но и в фиксации этнографических материалов о бразильских племенах, с которыми встречалась экспедиция. По словам немецкого этнографа Т. Кох-Грюнберга, Флоранс был «чрезвычайно точным наблюдателем. Все, что он описывал и рисовал,

настолько живо и абсолютно верно, что его произведения кажутся не просто созданиями путешествующего художника, но профессионального этнографа и географа» (42).

Руководитель экспедиции Григорий Иванович Лангсдорф был одним из крупнейших знатоков Бразилии своего времени. Об этом свидетельствуют его путевые дневники, которые составляют 26 тетрадей объемом около 700 листов за период с 8 мая 1824 г. по 20 мая 1828 г. В 1930-е гг. работу по расшифровке трудночитаемых немецких рукописей провели В.А. Егоров, М.С. Крутикова и Н.Г. Шпринцин.

В 1995 г. в Москве был опубликован перевод первых 20 тетрадей, с 8 мая 1824 г. по 21 февраля 1826 г., что стало результатом совместной многолетней работы отечественных и немецких ученых из Академии наук ГДР (43).

К сожалению, публикация дневников Лангсдорфа в России не была продолжена. В 1996–1998 гг. в Бразилии под редакцией Б.Н. Комиссарова вышло трехтомное издание всех дневников Лангсдорфа в переводе на португальский язык (44).

Дневники Лангсдорфа литературно не обработаны: часто это лаконичные заметки, написанные отрывочными фразами. В них разбросано множество метких научных наблюдений, но встречаются и пространные рассуждения автора. Из дневников Лангсдорф черпал необходимые сведения для официальных отчетов о проделанном пути и собранных коллекциях, которые он должен был регулярно посылать в Петербург в Академию наук и Министерство иностранных дел.

МАРШРУТЫ ЭКСПЕДИЦИИ

За семь лет путешествий, с 1822 по 1829 гг., экспедиция преодолела более 15000 километров по малопроезжимым и неизвестным дорогам. Маршрут экспедиции отличался исключительной смелостью и оригинальностью и вписывался в карту Бразилии как большая, хотя и неровная, окружность. Он проходил по двум крупным природным областям страны – по Бразильскому нагорью и Амазонской низменности.

Бразильское нагорье приподнято на востоке и юго-востоке и полого наклонено на север и северо-запад. Его восточный край, разбитый сбросами, обрывается в сторону океана большими уступами. Центральная и западная части Бразильского массива – подлинное царство больших и малых плоскогорий различной высоты. Возвышенность с ровной, столовой поверхностью называется шапада́. Шапады ограничены друг от друга отвесными или очень крутыми обрывами. Высокие обрывы плоскогорий, сильно изрезанные проточными водами и процессами выветривания и поэтому похожие на горные хребты, называются сьеррами. Большую часть Бразильского нагорья занимают саванны. Почти всю Амазонскую низменность занимают экваториальные леса (сельва).

Охватить огромную территорию Бразилии, прорезанную бесчисленными реками и испещренную горами, за один поход было невозможно. Поэтому экспедиция проходила в несколько этапов.

ЭТАП I. МАРТ 1822 Г. – АПРЕЛЬ 1823 Г.

ПРОВИНЦИЯ РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

На первом этапе экспедиции, в 1822–1823 гг., участники экспедиции осваивались с местным жарким климатом и знакомились с провинцией Рио-де-Жанейро. Служебные дела удерживали Лангсдорфа в столице, поэтому он не мог надолго отлучаться из Рио-де-Жанейро. Первые полгода экспедиционный отряд в составе Менетрие и Ругендаса, к которым в мае присоединился Рубцов, безвыездно находился в Мандиоке.

С марта по август 1822 г. окрестности поместья были исхожены вдоль и поперек. Менетрие знакомился с местной фауной, ходил на охоту и собрал неплохую коллекцию животных. Ругендас делал зарисовки рыб, земноводных, млекопитающих и присматривался к стране, ее природе и жителям. Рубцов испытывал привезенные из Англии астрономические и метеорологические инструменты.

В сентябре 1822 г. из-за нараставшей нестабильности в Бразилии, Лангсдорф счел за благо на время удалиться из столицы и переждать беспокойное время, путешествуя в ее окрестностях. Лангсдорф решил

повторить свой маршрут 1815 г. и отправился в горный район Серрадуш-Оргауш, расположенный поблизости от Рио-де-Жанейро.

Из-за плохой погоды, а также в связи со служебными обязанностями Лангсдорфа путешественникам не раз пришлось возвращаться в столицу. Тем не менее, за три месяца члены экспедиции обследовали значительную часть столичного округа.

Конечной целью поездки стала швейцарская колония Нова-Фрибургу. Лангсдорф чувствовал себя в это время «крупным землевладельцем и единственным основателем ныне существующей и многообещающей колонии» (45).

Поэтому он провел у соседей около двух недель и подробно изучил хозяйственный уклад колонии. При этом Рубцов снял ее план.

11 декабря 1822 г. Лангсдорф и его спутники возвратились в Мандиоку, где их ждал ботаник Ридель. Весь следующий год центром научной жизни экспедиции была Мандиока. Однако поместье оказалось тесным для исследователей, которые мечтали о большом путешествии в глубь страны.

ЭТАП II. 8 МАЯ 1824 Г. – ФЕВРАЛЬ 1825 Г.

ПРОВИНЦИЯ МИНАС-ЖЕРАЙС

В мае 1824 г. экспедиция отправилась по новому маршруту – в процветающую провинцию Минас-Жерайс (буквально «Главные шахты»), область добычи золота и алмазов. Золото в Минас-Жерайс было найдено в конце XVII в., поэтому сюда потянулись любители быстрого обогащения. В погоню за золотом были вовлечены не только жители прибрежных районов, но и прибывающие из Португалии новые партии иммигрантов. Добыча золота к середине XVIII в. достигла максимума, а потом пошла на убыль.

Богатейшие алмазные прииски в Бразилии были открыты в 1729 г. Вести о сказочных россыпях достигли самых далеких уголков Бразилии. К сороковым годам XVIII в. число искателей алмазов – гаримпейрос – здесь достигло почти пятидесяти тысяч. С 1740 по 1771 г. разработки россыпей велись под строгим контролем

метрополии на основе контрактов между португальским правительством с крупными предпринимателями. В 1771–1828 гг. добыча алмазов стала монополией сначала правительства Португалии, а после провозглашения независимости Бразилии в 1822 г. – правительства Бразильской империи. Алмазные прииски в провинции Минас-Жерайс были объединены в отдельный, так называемый Алмазный округ, посещение которого было конечной целью путешествия Лангсдорфа и его спутников в 1824 г.

8 мая экспедиция покинула Мандиоку и отправилась на север.

Двигаясь в Алмазный округ, исследователи совершали по пути радиальные экскурсии. «Местность, через которую мы ехали, дикая, сплошь девственный лес, только время от времени можно было видеть возделанное поле, капоэйру и россио. Нам пришлось подниматься на крутые горы и спускаться с них, и мы видели несколько великолепных деревьев, которые, вырастая из глубоких долин, поднимались выше дороги, проходившей на высоте 100 футов», – записал Лангсдорф (46).

Постепенно местность становилась низменной – спутники достигли крупнейшей в столичной провинции реки Парайба. На берегу располагались лодочная переправа и таможня: каждый проезжающий должен был предъявить паспорт и заплатить пошлину за проезд. Здесь же проводился досмотр подозрительных грузов. Как уверяли Лангсдорфа местные жители, в среднем за месяц через таможню проходило до 4000 мулов и 2000 человек, «благодаря чему государство получает немалый доход» (47).

Скорость передвижения экспедиции была невелика – капризные мулы плохо слушались погонщиков, сбрасывали поклажу и убегали в лес, где их приходилось подолгу искать. Наконец, путешественники добрались до границы двух провинций – нового моста у реки Парайбуны. Строительство моста, продолжавшееся два с половиной года, было закончено незадолго до приезда экспедиции.

После переправы начался постепенный подъем в гору. По дороге то и дело встречались одинокие жалкие лачуги, повсюду царил бедность. «Проезжающих постоянно обманывают, и даже за деньги невозможно ничего получить», – сетовал Лангсдорф (48).

1 июня 1824 г. отряд Лангсдорфа достиг города Барбасены. Путешественники обследовали его окрестности – местечки Сан-Жуан-

дел-Рей и Сан-Жозе, посетили местную природную достопримечательность – каменный грот: «Вся скала внутри по многим направлениям словно расколота и образует множество больших и маленьких гротов, которые иногда принимают причудливые формы: тут церковь или капелла с кафедрой, там подземные ходы, ведущие в большие залы и т.д.» (49).

Выехав из Барбасены, экспедиция посетила прежде почти неизвестные и географически неопределенные районы Минас-Жерайса, прошла берегами рек Риу-дас-Мортес и Риу-дас-Помбас. Путешественникам удалось побывать в селениях индейцев короадо, пури и коропо и собрать множество ценнейших материалов об их жизни.

После нескольких дней пути по лесам и вдоль берега реки Помбу отряд путешественников добрался до селения Дескоберта-Нова, рядом с которым находились золотые прииски. Узкая долина была главным местом добычи, причем золотоискателями были и стар, и млад: «Добыча золота, – писал Лангсдорф, – велась без всякого сознательного плана, как попало, день за днем. Здесь это дело довело людей до настоящего безумия» (50).

Лангсдорф сообщал о последствиях безудержной погони за золотом: «Богатые [залежи] золота послужили причиной первой волны поселенцев в здешние места, а разгром и опустошение, произведенные здесь в результате поисков золота, почти невообразимы. Горы и долины покрыты рытвинами и канавами, как после наводнения, а жажда золота столь прочно укоренилась, что многие люди до сих пор выискивают еще не тронутые участки гор и роют там наудачу. Они играют в эту лотерею и предпочитают, лелея неверную надежду на золото, переносить голод, нежели добывать более надежное пропитание, занимаясь сельским хозяйством» (51).

25 июня 1824 г. Лангсдорф впервые увидел растение каинку: изучению его лекарственных свойств он посвятит несколько лет.

В лесах вокруг крепости Сан-Жуан-Баптиста Лангсдорфу с помощью местных жителей и проводника удалось добыть несколько образцов лекарственного растения ипекакуаны, корень которого использовали в качестве отхаркивающего и рвотного средства, а также при лечении дизентерии.

Через город Марианну, бывший некогда центром провинции, исследователи достигли новой столицы – Оуро-Прето. Своим происхождением и названием (буквально – «Черное золото») город был обязан обилию найденного когда-то здесь золота. «Город растянулся на час пути вдоль крутых склонов и по соседним долинам, вплоть до ущелий. Почти около каждого дома имеется небольшой огород <...>. Питьевая вода и большое количество артезианских колодцев имеются во всех частях города. На восточной окраине города, по дороге в Марианну, имеется также источник минеральной воды с высоким содержанием железа. Вдоль долин протекают маленькие, мутные от мытья золота ручьи <...>. Окрестности города являют собой страшную картину запустевшей земли <...>.

Все эти теперешние кампосы, бесспорно, можно назвать, в известной мере, искусственным [образованием], ибо все они когда-то были покрыты девственным лесом, который постепенно был полностью истреблен» (52).

Благодаря любезности президента провинции Лангсдорф начал собирать коллекцию документов по истории экономики и этнографии Бразилии. «Президент провинции, по нашему генерал-губернатор, Жозе Тейшейра-да-Фонсека-Васконселус, – докладывал Лангсдорф графу Нессельроде 1 октября 1824 г., – показал мне много географических карт и статистических таблиц, которые раньше считались государственной тайной, и позволил снять копии с них. Президент удивлялся размером нашей империи и осведомленности императора о научных путешествиях в Бразилии» (53).

Из Оуро-Прето экспедиция направилась «по малопосещаемым и совсем неизвестным дорогам в район алмазов», и следующую остановку сделала в местечке Каэте. «Господин Ругендас был очень занят, ибо все дамы, молодые и старые, хотели, чтобы он нарисовал с них портрет. За труды он получил от хозяйки дома в подарок золотую булавку с бриллиантом – доказательство того, что люди здесь благородны и умеют ждать», – отметил в дневнике Лангсдорф (54).

Стоял конец сентября, уже зацвели многие весенние растения, и ботаник ревностно составлял гербарий. «Господин Ридель вернулся сегодня <...> с богатой добычей, на этот раз за один маршрут он собрал больше растений, чем когда-либо; вся бумага, которую он взял с собой, была заполнена растениями для просушки», он «сколь бы

долго ни находился в Бразилии в другое время года, не собрал бы за один раз столько растений для гербария» (55).

К началу ноября экспедиция прибыла в местечко Барра-де-Жекитиба. Именно здесь 1 ноября 1824 г. произошла стычка Лангсдорфа с Ругендасом, закончившаяся увольнением художника. Лангсдорф настаивал на том, чтобы «он дал письменное обязательство, что в соответствии с контрактом он никого не ознакомит с рисунками, сделанными во время экспедиции, пока я не опубликую свое описание путешествия» (56).

Требование Лангсдорфа не было удовлетворено: Ругендас самостоятельно издал свои бразильские рисунки в 1827 г.

Изрядная усталость, накопившаяся в пути, начала сказываться на психологическом состоянии других членов отряда. Лангсдорф сетовал: «Настоящая беда, что мне приходится иметь дело с людьми, которые на первых порах, пока это им выгодно, ведут себя скромно и учтиво, а потом в корне меняют [свое поведение]. Говорят, с кем поведешься, от того и наберешься; Руг[енда]с оказал явно дурное влияние на Риделя и Менетрие» (57).

Из Барра-де-Жекитибы путешественники направились в пустынную местность и внимательно осмотрели не исследованную в научном отношении часть Серра-да-Лаппа, где вынуждены были задержаться на две недели из-за наступивших дождей. 4 декабря, когда погода наладилась, они двинулись в путь, и 11 декабря достигли главного города Алмазного округа – Тежуку.

В Тежуке Лангсдорфу показали алмазы, найденные за последние 3 месяца. «Все были крупнее одного карата, а самый большой – 14 каратов», – с восторгом записал ученый (58). Ему показали и фальшивые алмазы, которые появлялись в продаже, и подарили весь имеющийся запас подделок как не имеющих ценности. Члены экспедиции получили возможность съездить на крупнейшее месторождение из открытых в новое время – Паган, где им позволили поучаствовать в промывании породы в поисках алмазов. Им удалось намыть более 50 камней.

«Коллекционер-естествоиспытатель должен всегда действовать в зависимости от тех условий и обстоятельств, которые ему предлагает природа», – был твердо уверен Лангсдорф (59).

В феврале 1825 г. экспедиция возвратилась в Мандиоку с огромным багажом. В 29 ящиках были минералы, в 15 – гербарий, включавший 1400 видов растений, остальные ящики были заполнены 23 шкурами различных млекопитающих и 398 – чучелами птиц и различными этнографическими предметами.

Все экспедиционные материалы были переправлены в Петербург. В их числе было 9 карт местности, вычерченных Рубцовым, и прекрасные коллекции пейзажей, исполненные Ругендасом.

Лангсдорф и его спутники собрали статистические, политические, физические и географические сведения о провинции Минас-Жерайс – одной из самых населенных и экономически развитых частей Бразилии. Репутация искусного врача помогала Лангсдорфу в установлении контактов, так как он никому не отказывал в помощи. Это позволило ему ближе познакомиться с бытом, языком, верованиями, обычаями и хозяйственным укладом местного населения.

Лангсдорф детально изучил хозяйственную жизнь 120 fazendas, которые ему встретились по пути. Он собрал обширные сведения о размерах fazendas, о выращивании и переработке таких сельскохозяйственных культур, как сахарный тростник, кофе, хлопок, табак, чай и многих других, составил заметки и сделал зарисовки разных машин и приспособлений для очистки хлопка, для отделения косточек плодов от мякоти и т.д. Столь пристальное внимание Лангсдорфа к производственной деятельности в поместьях было связано, прежде всего, с его собственными профессиональными интересами fazendeiro.

Оценивая минералогическое богатство Бразилии, этой «природной кладовой», ученый писал о необходимости иметь геогностическую карту страны. «Хотелось бы знать, – писал Лангсдорф, – когда только она будет составлена. В связи с этим, не является странным ли тот факт, что русский царь проявляет большой интерес к природным богатствам Бразилии, чем местный монарх?» (60).

ЭТАП III. 26 АВГУСТА 1825 Г. – 30 ЯНВАРЯ 1827 Г.

ПРОВИНЦИЯ САН-ПАУЛУ

После непродолжительного отдыха путешественники начали подготовку к самому большому и многотрудному этапу экспедиции. В этом путешествии уже не участвовал Менетрие, срок контракта которого истек. На его место был принят молодой немецкий врач и зоолог Христиан Гассе. В составе экспедиции появились два молодых французских художника – Тонэй и Флоранс.

Лангсдорф выработал план исследования внутренних областей Бразилии и сообщил о нем в Петербург главе внешнеполитического ведомства Нессельроде. Он предполагал исследовать провинцию Сан-Паулу, далее направиться в Гояс и Мату-Гросу, спуститься по рекам Мадейра или Такантис до Пара, а затем по суше возвратиться в Рио-де-Жанейро (61).

Однако уже через полтора месяца с момента начала экспедиции, находясь в городке Иту, Лангсдорф пришел к заключению, что плавание по рекам провинции Мату-Гросу гораздо целесообразнее сухопутного маршрута. Свои соображения Лангсдорф записал в дневнике: «Мысли меняются и бегут, и факел любознательности вспыхивает легко и быстро. Таким образом у меня и возникла мысль о том, что я мог бы достичь своей конечной цели, наверное, и по воде, т.е. по самым крупным рекам Земли, и тем самым еще больше сделать для науки» (62). Было решено двигаться из городка Порту-Фелис по рекам Тиете, Парана, Риу-Парду, Камапуан, Кошин, Такуари, Парагвай, Сан-Лоуренсу и Куяба в город Куяба, а затем плыть в Пара.

Изучение провинции Сан-Пауло продолжалось с сентября 1825 г. до мая 1826 г. Первым городом на пути был город Сантус – крупная гавань и торговый центр, где путешественники встретили явные следы деятельности иезуитов. Далее они отправились в Кубатан и 27 сентября достигли столицы провинции города Сан-Паулу – одного из самых красивых городов Бразилии в то время.

В октябре 1825 г. путешественники наблюдали пышные торжества в честь правителя Педру I. Тонэй задержался в Сан-Паулу, где по просьбе президента написал для правительственного здания портрет императора. Остальные члены экспедиции отправились дальше, отмечая на своем пути большое количество караванов, груженных товарами.

Путешественники проехали через города Жундиай, Иту и Сорокаба и надолго задержались на железодельной мануфактуре в Ипанеме. Рубцов рассказывал об этой фабрике, являвшейся одним из наиболее крупных предприятий Бразилии того времени: «Железный завод находится в широте $23^{\circ}26'15''$ S-й долготе $47^{\circ}38'7''$ W и возвышение от моря 617 метра. Основание коего положено при короле Иване 6-м. Мастер и рабочие люди выписаны были из Швеции, ныне же из них остался только один человек, а вместо прочих поступили германцы, всего же при заводе находится: инспектор 1, смотритель 1, писарь 1 и 4 человека милиционных солдат. Художники же мастеровые 6 семей немцев и 20 человек нанятых негров. Машины сего завода действуют водою, из устроенного на сей предмет озера. Железо, перерабатываемое на заводе, добывается в горе Ипанема, отстоящей от сего места на SW 29° в 3-х верстах, которого доставка по причине дурной туда дороги весьма затруднительна. Оно откалывается небольшими кусками с немалою трудностию и в выделке выходит самое посредственное, и сделанная вещь в сем заводе не дешевле стоит той, которая вывезена сюда бывает из Рио-Жанейро» (63).

Лангсдорф отдал распоряжение перевести вещи экспедиции в Порту-Фелис. Приготовления к плаванию и ожидание сухого сезона задержали путешественников. Тем временем Ридель «с рвением ученого, которое у него и раньше было, в Порту-Фелис собрал и описал 500–600 живых растений и составил коллекцию редких семян» (64).

22 июня 1826 г. на 8 лодках с командой около 30 человек (исключая Гассе, который выбыл из состава экспедиции) путешественники отправились вниз по реке Тиете.

«Перед нами темная вуаль. Мы покидаем цивилизованный мир и будем жить среди индейцев, ягуаров, тапиров, обезьян», – записал Лангсдорф в дневнике накануне отправления (65). На каждой лодке по приказу Лангсдорфа был укреплен русский военно-морской флаг.

Плавание по извилистой, порожистой, со множеством водопадов и мелей Тиете было нелегким. Лодки часто приходилось разгружать, и только после этого проводить их через опасные места, груз же переносили берегом. Людей донимали москиты, муравьи портили вещи, многочисленные насекомые откладывали личинки в поры кожи. Ридель, Флоранс и Тонэй страдали от сильной сыпи и зуда.

Но великолепие окружающей природы вознаграждало за все трудности походной жизни. «Постоянно воспроизводящая природа как бы поставила себе целью размножаться на глазах наблюдателя, – писал Флоранс. – Постоянно возрождаясь, она желает посвятить ботаника в тайны растительного мира, ознакомить художника с разнообразием наиболее счастливых форм изящных очертаний. Сама быстрота движения лодок, несомых волнами рек, то весёлая, то меланхоличная, то строгая, то привлекательная помогает развёртыванию самых разительных контрастов. Всегда чарующая, эта природа заставляет нас жалеть о том, что мы не в состоянии воспроизвести её во всех деталях. Водопады вызывают чувство изумления, и это ощущение незнакомо тем, кто никогда не плывал в утлом челноке, отданный на произвол пенистых волн, когда берега исчезают с быстротой молнии. Судно несется с изумительной быстротой, проходя мимо подводных камней, которые можно избежать только благодаря громадному опыту и полному знакомству с этими местами» (66).

Рубцов деловито сообщает: «По обеим сторонам реки густой лес, и в оном водятся тигры, а в реке змеи сукури и крокодилы. Змей видели длиною 15 фут, но сказывают род сих змей гораздо длиннее бывают. Крокодилы длиною 6 фут, водится довольно и во время остановки ловили достаточно для всех» (67).

Шкуры кабанов, тапиров и обезьян препарировали для коллекций, а мясо использовали в пищу. Путешественники ловили рыбу, собирали яйца черепах, несколько раз варили бульон из удава, который всем пришелся по вкусу.

В конце июля экспедиция преодолела два крупных водопада – Аваньяндава и Итапуре. В обоих случаях пришлось полностью разгрузить лодки и перенести весь груз по суше. «Водопад Итапуре – одно из прекраснейших мест природы, – писал Лангсдорф, – красота и великолепие которого может только удивлять, но не поддается описанию. От силы падающей воды дрожит под ногами земля. Шум и рев кажутся вечным громом. Радуги в любом направлении, куда ни обратится взор путешественника» (68).

11 августа спуск по Тиете был завершен. Пройдя около 600 км, экспедиция добралась до широкой и спокойной Параны. 13 августа исследователи двинулись вниз по Паране и спустя несколько дней вошли в один из ее притоков – Риу-Парду. Теперь предстояло

подниматься против течения. И без того нелегкий путь против течения реки крайне осложняла бесконечная вереница водопадов. Этот этап экспедиции оказался самым тяжелым, но и самым интересным на пути в Куябу.

Наконец, пройдя за 110 дней 2000 км и преодолев на своем пути 32 водопада, экспедиция достигла фазенды Камапуан, где путешественники провели полтора месяца, отремонтировали лодки и запаслись продовольствием.

22 ноября исследователи продолжили плавание по коварной реке Кошин: ее стремительное течение заставляло все время быть начеку.

В начале декабря экспедиция вошла в более спокойную реку Такуари, по которой нужно было спуститься до реки Парагвай. Экспедиции предстояло странствовать по обширному болотистому району Пантанал. Мириады москитов были настоящим бедствием в этих местах. «Кто подумает, как при таких обстоятельствах покрытым до черноты насекомыми, которые кусают и роятся вокруг, приходится писать, рисовать, препарировать, изготавливать чучела, тот до некоторой степени поймет цену добытых здесь предметов» (69).

Стояла нестерпимая жара, и даже ночь не приносила облегчения, свирепствующие насекомые совершенно лишили людей сна. Вода медленно текущего Парагвая была покрыта гниющими листьями, деревьями, разлагающимися рыбами и вонючей накипью от мочи сотен крокодилов.

Появились стаи кровожадных пираний. Путешественники убедились в прожорливости этих хищных рыб, бросив в воду труп убитой обезьяны: уже через минуту от ее мяса ничего не осталось, а вода кругом кипела от движения рыб (70). Лангсдорф рискнул окунуться, но тотчас выскочил на берег и был счастлив, что отделался легкой раной.

Рубцов описывает пиранию под названием паранга: «В реках Парагвай, Сант-Лоренсо и Куйяба водится рыба, называемая паранга, плоская и широкая, величиною самая большая в длину $1\frac{1}{2}$ четверти, имеет два ряда зубов. По сей причине очень опасно купаться в реках сих, особенно у кого есть на теле раны, поелику в весьма короткое время и вдруг пристаёт рыба сия к телу и рвет оно частями, хватается за удобные для нее места, что и случилось с одним в виду нас; рыба сия была хотя и из самых мелких, но оставила знаки своих зубов» (71).

4 января 1827 года экспедиция добралась до Албукерке и стала подниматься вверх по течению реки Куяба. Путешественников сопровождали группы индейцев гуана и гуато, искавших в пути до Куябы защиту от восставших племен воинственных гуайкуру. Европейцы собрали богатый этнографический материал, побывав в нескольких индейских селениях.

Начался период дождей, и воды Пантанала превратились в огромное безбрежное озеро. Несколько недель члены экспедиции вынуждены были провести в лодках. Спали кто в лодках, кто в гамаках, привязанных к торчащим из воды деревьям. В сообщении о работе экспедиции Лангсдорф подробно описал бытовые трудности на этом отрезке пути: «На низких, затопленных берегах едва можно было найти сухое местечко для привала, да и то оказывалось, что всякое дерево или куст покрыто миллионами муравьев.

Нельзя было найти средства защититься от туч проклятых насекомых-мучителей в воздухе и на земле. Всякий жизни стал не рад. Едва можно было донести до рта пару ложек сухих бобов с салом – нашу единственную и ежедневную пищу – без того, чтобы не набрать в нее москитов, а о глотке свежей воды нечего было и думать» (72).

Наконец 30 января 1827 г., спустя 7 месяцев после отплытия из Порту-Фелис, оставив позади 4000 км, экспедиция достигла Куябы.

ЭТАП IV. ФЕВРАЛЬ 1827 – 26 МАРТА 1829 Г.

ПРОВИНЦИЯ МАТУ-ГРОСУ.

ПУТЬ К АМАЗОНКЕ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

Город Куяба – столица провинции Мату-Гросу («Большой лес») – лежит в самом сердце Южной Америки. Он был основан в 1727 г. после открытия в этом районе месторождений золота, а затем и алмазов.

С апреля 1827 г. путешественники принялись за исследование провинции Мату-Гросу, огромная и малонаселенная территория которой в то время была почти не изучена. Российская экспедиция провела в Куябе почти год, совершая длительные экскурсии по окрестностям. Своей временной базой путешественники сделали городок Гимараэнс, расположенный в 20 км от столицы провинции.

Во время поездки в округ Сера-да-Шапада его живописные скалы зарисовали Флоранс и Тонэй. Причудливую красоту области террасовых возвышений Шапада выразительно описал Флоранс в своем дневнике: «Когда мы находились там, наше восхищение не имело границ. Это несравнимо ни с чем в природе. Кажется, что находишься среди руин большого города (к тому же города, никогда не существовавшего), зданий и огромных памятников <...>. Я видел лежащие в развалинах гробницы, пьедесталы разрушенных колонн, урны» (73). Лангсдорф предложил подняться на вершину горы С. Жеронимо, по словам Флоранса, «не только для того, чтобы сделать барометрические наблюдения, но также для того, чтобы совершить это восхождение, которое было доступно немногим» (74).

В конце июня экспедиция возвратилась в Куябу. Весь июль и август Лангсдорф и его спутники провели в разнообразных экскурсиях по провинции: Ридель и Тонэй побывали в Диамантину, Флоранс и Рубцов отправились в город Вилла-Марию (Сан-Луис-ди-Касерис), расположенный примерно в 300 км от Куябы. По дороге путешественники остановились в фазенде Жакобина, где встретились с индейцами восточной группы бороро.

В Рио-де-Жанейро были отправлены самые ценные рисунки и документы, естественнонаучные коллекции и множество этнографических экспонатов. Вместе с ними Лангсдорф передал своим дочерям подарки – «презренное золото в том виде, как его здесь находят» (75).

В ноябре 1827 г. Лангсдорф разделил экспедицию на два отряда. Сам Лангсдорф, Рубцов и Флоранс направлялись к истокам Парагвая, Куябы и Аринуса – одной из их задач стала разведка малоизвестных алмазных приисков. Ридель и Тонэй должны были двигаться на запад и по рекам Гуапоре, Маморе, Мадейра и Амазонка достичь устья Риу-Негру, где они должны были ждать других путешественников. Лангсдорф строил и дальнейшие планы: «Отсюда мы вместе или порознь направимся для исследования Риу-Негру или Амазонки (а может быть и обеих рек) к границам испанских владений, так что вернемся в Пара к концу 1828 г.» (76).

Расставаясь с Риделем, Лангсдорф написал ему на прощание: «На много месяцев <...> потеряю единственного друга, дружба с которым облегчала и делала путешествие приятным. Считаю излишним деятельному и знающему человеку как Вы, давать какие-нибудь

инструкции, даю только дружеский совет. Путешествуйте счастливо в этих нездоровых местах» (77).

Лангсдорф дал Риделю последние указания: «В случае моей преждевременной смерти или же несостоявшейся нашей встречи, Вы как можно скорее должны отправиться в Сантарен, чтобы все бумаги, коллекции, деньги и кредит принять моим именем.

Сообщить о моей смерти в Петербург графу Нессельроде, а также и планы, которые Вам известны. А экспедицию без дальнейшего распоряжения по сообщении о смерти – не продолжать» (78).

21 ноября Ридель и Тонэй отправились в путь. Они посетили селения индейцев западной группы бороро, где Тонэй сделал серию этнографических зарисовок. Рисунки были выполнены в течение однодневного пребывания среди бороро и раскрашены впоследствии по памяти, поэтому большинство из них не вполне точно передают цвет кожи этих индейцев.

В Вилла-Белла, в покинутом дворце губернатора провинции, Тонэй скопировал серию портретов португальских королей и губернаторов провинции Мату-Гросу. Из Вилла-Белла путешественники совершали экскурсии к пограничным пунктам Бразилии близ Боливийской границы, а затем двинулись на юг к индейскому селению Казалваску.

Для Тонэя это путешествие оказалось последним – 5 января 1828 г. он утонул в реке Гуапоре, пытаясь переплыть ее. Тело молодого художника было найдено лишь на второй день на берегу реки. После гибели Тонэя, потрясшей всех участников экспедиции, Ридель один продолжал путешествие по намеченному ранее плану. Несмотря на трудности, он сохранял бодрость духа и завидную работоспособность.

Совершив спуск по Гуапоре и Маморе, Ридель в мае 1828 г. на берегах Мадейры наблюдал быт и нравы индейцев племени карипуна, а лето провел в местечке Борба, находившемся на расстоянии около 150 км до впадения Мадейры в Амазонку. В сентябре 1828 г. Ридель прибыл в Манаус и предпринял экскурсию вверх по Риу-Негру. Он отправился в Сантарен, а затем 9 января 1829 г. прибыл в Пара (Белен). Таким образом, Ридель единственный из отряда Лангсдорфа выполнил поручение руководителя экспедиции обследовать бассейн Амазонки вплоть до границы испанских владений. По пути он собрал великолепный гербарий.

Отряд Лангсдорфа в середине декабря 1827 г. прибыл в Диамантину – небольшой городок, центр добычи алмазов в северной части провинции Мату-Гросу. Дожди задержали путешественников в Диамантину на три месяца. Лангсдорф воспользовался неожиданным досугом и написал работу по географии Мату-Гросу. За это время путешественники посетили несколько селений-приисков.

Лангсдорф был очень доволен результатами этих поездок, во время которых он приобрел немало редких экземпляров алмазов: «В течение двух месяцев я составил такую коллекцию алмазов, какую до меня никому не удавалось собрать, – писал он. – Она может быть украшением любого кабинета» (79).

В марте 1828 г. экспедиция выступила на север, к Риу-Прету, и через 20 км оказалась в местечке Порту-Велью, где свирепствовала лихорадка. Из-за проволочек местной администрации участникам экспедиции пришлось прожить на берегу Риу-Прету более двух недель. Эта задержка стала для экспедиции роковой – заболели Рубцов, Флоранс, дольше всех держался Лангсдорф.

Вырваться из «гиблого места» удалось только 31 марта 1828 г. Лодки экспедиции пустились в плавание по Риу-Прету. Оно оказалось очень тяжелым – упавшие во время наводнения деревья то и дело преграждали реку, нередко путь для лодок приходилось просто прорубать.

Между тем число заболевших возрастало с каждым днем. У Лангсдорфа начались сильные приступы лихорадки, но, несмотря на это, он по-прежнему продолжал свои наблюдения и делал записи в дневнике. Всеми доступными ему средствами Лангсдорф лечил и себя, и своих спутников.

В апреле во время пребывания в селениях индейцев апиака Лангсдорф мог передвигаться уже только при помощи сопровождающего. Флоранс, единственный трудоспособный член экспедиции, подробно описал обитавших здесь индейцев апиака и сделал зарисовки.

В конце апреля, когда экспедиция спускалась по реке Журуэне, из 34 членов отряда здоровы были лишь 15, из них 7 уже переболели лихорадкой. Флоранс записал в своем дневнике: «Г-н Лангсдорф и Рубцов были так слабы, что не могли выбраться из своих гамаков и совсем потеряли аппетит. Ежедневно в один и тот же час возвращался озноб, которому предшествовали такие сильные приступы лихорадки,

что заставляли их издавать прерывистые стоны и судорожно корчиться, отчего даже качались деревья, на которых были подвешены гамаки, москитэро и навесы» (80).

Флоранс руководил движением отряда, преодолением порогов, водопадов и мелей, пополнял запасы питания, выменивая их у индейцев на ножи, топоры и ожерелья. В мае на берегах реки Тапажос экспедиция встретилась с индейцами мандуруку.

Впереди экспедицию ожидали новые неприятности. Обессиленные европейцы не смогли без потерь справиться с сильным течением и водоворотами. Разбилась одна из лодок, другая была серьезно повреждена. Путешественникам пришлось сделать почти двухнедельную стоянку, чтобы изготовить новую лодку.

К 20 мая новая лодка была готова, и экспедиция продолжила плавание. Именно в тот день Лангсдорф сделал последнюю запись в своем дневнике: «Обрушившиеся дожди нарушили весь покой. Мы намереваемся теперь идти в Сантарен.

Наша провизия убывает на глазах, мы должны стараться ускорить наше движение. Мы должны еще перейти водопады и другие опасные места на реке. Если захочет Бог, мы сегодня продолжим наш путь. Провизия уменьшается, но мы еще имеем порох и дробь». На этом дневник Лангсдорфа обрывается. Болезнь совершенно изнурила ученого, и через несколько дней его спутники с ужасом заметили у своего начальника признаки помешательства и потери памяти.

Теперь нечего было и думать об осуществлении ранее намеченных планов. Единственной целью путешественников стало желание как можно быстрее добраться до Рио-де-Жанейро. 18 июня, к неопишуемой радости путешественников, они встретили шхуну, идущую в Сантарен.

16 сентября участники экспедиции прибыли в Пара (Белен), где четыре месяца ждали ботаника. «Наконец явился и он, – записал Флоранс, – тоже худой и переменявшийся от болезней, схваченных на Рио-Мадейра, где он, со своей стороны, выстрадал столько же, сколько и мы» (81).

26 марта морем экспедиция добралась до Рио-де-Жанейро, «пробыв в отсутствии 3 года 6 месяцев и 23 дня» (82). Впервые европейские ученые пересекли западную часть Бразильского плоскогорья, преодолев около 20 порогов и водопадов и исследовав р. Тапажос от

одного из его истоков Аринуса до устья (около 2000 км). Это был настоящий научный подвиг, стоивший жизни Тонэю и здоровья всем остальным участникам экспедиции.

СУДЬБА УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕДИЦИИ

Из Рио-де-Жанейро Лангсдорф уехал на лечение в Германию, но он так и не восстановил своего здоровья. В 1831 г. он был уволен из Министерства иностранных дел и из Академии наук. Умер Лангсдорф в 1852 г. во Фрейбурге.

Всеми материалами и коллекциями экспедиции занимался Рубцов, который в сентябре 1829 г. доставил в Россию первую часть архива экспедиции – 16 ящичков с коллекциями, рукописи, карты и рисунки (83). Через месяц по распоряжению адмирала Г.А. Сарычева он был прикомандирован к гидрографическому департаменту Морского министерства. С 1837 г. Рубцов заведовал архивом Гидрографического департамента Морского министерства, дослужился до полковника и в 1860 г. вышел в отставку. Он скончался в июне 1874 г.

В 1830 г. Ридель доставил в Петербург вторую партию груза, который занимал 84 багажных места: гербарий, включавший 8000 видов и около 80000 экземпляров растений, а также 1000 живых растений.

Ридель поступил на службу в Императорский Петербургский Ботанический сад. Директор сада Ф.Б. Фишер, заинтересованный в приобретении живых тропических растений для расширявшейся в то время оранжереи, нашел средства на новую экспедицию и отправил Риделя обратно в Бразилию для пополнения коллекций сада и изучения природных богатств страны.

3 августа 1831 г. Ридель вернулся в Рио-де-Жанейро; вместе с ним в Бразилию приехало несколько студентов Академии художеств и садовник. Ридель путешествовал по провинциям Рио-де-Жанейро, Гоаяс и Минас-Жераис. Собранные им «урожаи» живых растений, семян для посева, древесные плоды, гербарные образцы и многое другое (например, убор из перьев индейцев апиака) пересылались в Петербург на русских кораблях, возвращавшихся с Камчатки.

Для хранения живых растений, ожидавших отправки в Петербург, Ридель создал в Рио-де-Жанейро филиал Санкт-Петербургского ботанического сада, где проращивались из семян новые виды растений и выращивались лекарственные растения.

В 1835 г. из-за прекращения финансирования экспедиция закончилась, поэтому Ридель 1 июня 1836 г. уволился из Санкт-Петербургского ботанического сада. Коллекция Риделя, собранная им во время второго бразильского путешествия, состоит из 2000 видов и 20000 экземпляров растений (84).

Некоторые исследователи склонны рассматривать поездку Риделя в Бразилию в 1831–1836 гг. как продолжение экспедиции Лангсдорфа, следовательно, они расширяют ее хронологические рамки, что, по-видимому, является ошибкой. Путешествие Риделя имело самостоятельные цели и задачи и совсем другое финансовое обоснование (85).

Ридель перешел на бразильскую службу и заведовал отделом ботаники, сельского хозяйства и ремесел Национального музея в Рио-де-Жанейро, управлял садами императорского дома и ботаническим садом столицы. Он умер в Рио-де-Жанейро в 1861 г. и в его честь были названы пять родов растений.

О судьбе Менетрие Лангсдорф позаботился еще перед отъездом в экспедицию, получив согласие Конференции Академии наук принять его в число сотрудников после возвращения из Бразилии. Эта просьба была удовлетворена, и в 1826 г. Менетрие занял должность «препаратора» или «консерватора» при Кунсткамере. Результатом его участия в экспедиции явилось несколько естественнонаучных работ, частью опубликованных, частью оставшихся в рукописях (86).

Когда в 1832 г. был открыт Зоологический музей, Менетрие стал хранителем его энтомологических коллекций (87). В ее основу легли остатки экспозиции насекомых Кунсткамеры и новые приобретения – сборы чешуекрылых Бразилии и Антильских островов. В 1829–1830 гг. Менетрие принял участие в экспедиции на Кавказ и вернулся оттуда с богатыми энтомологическими сборами. В 1855 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук. Менетрие оставался сотрудником Зоологического музея до самой смерти 10 (22) апреля 1861 г.

В его честь названо более десятка видов насекомых.

Художник Ругендас, после того, как оставил Лангсдорфа, ненадолго остался в Бразилии, но вскоре вернулся в Европу. В Париже он познакомился с А. Гумбольдтом, который в начале века путешествовал по Южной Америке. Бразильские рисунки Ругендаса произвели на него сильное впечатление, и он помог художнику их издать (88).

В 1829–1830 гг. Ругендас продолжил свое художественное образование в Италии, а затем снова уехал в Новый свет. Баварский король Максимилиан II приобрел около 3000 рисунков Ругендаса в обмен на ежегодную ренту (89). По его заказу Ругендас написал картину, представляющую момент открытия Колумбом Америки. Последнее желание художника провести остаток своих дней в Южной Америке осталось неисполненным. Ругендас умер 29 мая 1858 г. и был похоронен в Вайльхайме (Бавария).

Жизнь Флоранса сложилась более удачно: большую часть своей жизни он прожил в Бразилии.

После завершения экспедиции он женился, поселился в г. Кампинас (провинция Сан-Паулу), стал владельцем кофейных плантаций, продолжал заниматься живописью, изобрел технологию печати на ткани, методику фотографирования, которую позднее запатентовал Дагер. Он умер 27 марта 1879 г., являясь отцом 20 детей.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

ТРУДЫ Г.И. ЛАНГСДОРФА: ПОЛЕВЫЕ ЗАПИСИ

Экспедиционные исследования дали обильный научный материал о природе и населении обширной территории Бразилии. За семь лет путешествия отважные путешественники собрали сведения о животном и растительном мире, полезных ископаемых, в частности, о добыче золота и алмазов, о быте, хозяйственном укладе, языках населения Бразилии, составили большие гербарии, ценные зоологические сборы, значительную по объему коллекцию рисунков и карт.

Во время экспедиции Лангсдорф написал немного – болезнь помешала ему обработать собранные им материалы. Из законченных работ было опубликовано единственное исследование о

лекарственном растении чиококка, или каинка из семейства мареновых (*Chiosocsa racemosa*). Хотя целебные свойства каинки были известны до него, Лангсдорф первым ввел это растение в фармакопею в качестве средства против ряда тропических заболеваний. Это растение с отвратительным вкусом считалось вернейшим средством против водянки и укуса змей. Его лечебное действие Лангсдорф испытывал на больных, а в 1827 г. написал о каинке специальную брошюру, изданную в Рио-де-Жанейро на немецком языке (90).

В СПФ АРАН хранятся рукописные материалы Лангсдорфа о лечебных свойствах и применении корня каинка, среди них «Уведомление об открытом в Бразилии и весьма действенном при водянке лекарстве, называемом каинка Г. фон Лангсдорфа».

В октябре 1827 г. в районе Куябы ученый сделал большой запас чудесного корня. Боясь конкурентов, Лангсдорф планировал монополизировать продажу растения в Европе (91).

Из работ по зоологии заслуживает внимания выполненное Лангсдорфом на основе полевых исследований «Описание белобрюхой крысы, *Mus leucogaster*», отправленное в Академию 25 августа 1824 г. Лангсдорф объяснил, почему он дал данному грызуну такое название: «Вся нижняя поверхность животного, от морды до хвоста, белая, признак принципиальный и отличительный, который и побудил меня назвать это животное *leucogaster*». Животное, которое он называл то мышью, то крысой, было «хитрым и столь же дерзким», как и его европейские сородичи, причиняя большой ущерб посевам (92). Академик Ф.Ф. Брандт использовал характеристику Лангсдорфа «мышь с белым животом» в своей обобщающей работе о бразильских грызунах (93). Брандт сохранил название Лангсдорфа, но оно не удержалось в науке. Впоследствии этот эндемик был назван в честь другого исследователя фауны Бразилии – Германа фон Иеринга – *Trinomys iheringi* (94).

Материалы экспедиции являются ценным источником по социально-экономической истории Бразилии первой трети XIX в. Среди них выделяются «Труды и исследования, составляющие предмет статистики провинции Мату-Гроссу, выполненные в 1826–1827 годах», в которой впервые в европейской науке даны подробное физико-географическое описание этой части Центральной Бразилии и детальная характеристика экономики провинции Мату-Гроссу (95).

Лангсдорф написал заметку о целесообразности переноса столицы из Рио-де-Жанейро в центральную часть страны, в провинцию Минас-Жераис (96). В том же месте, по его мнению, следовало основать и университет, который правительство собиралось открыть в столице.

Свои соображения об основании университета в Бразилии Лангсдорф изложил в небольшой работе в октябре 1824 г.

Ученый предлагал ограничиться одним университетом и дал рекомендации по поводу выбора места. Питомец Гёттингенского университета, Лангсдорф склонялся в пользу тихого места с благоприятным климатом, вдалеке от шумных городов с их многочисленными соблазнами. Обосновывая свое мнение, Лангсдорф писал, что в столице даже колокольный звон многочисленных церквей мог отвлечь студентов от занятий, а всевозможные развлечения и утехы стали бы серьезным испытанием для нравственности молодых людей (97).

Для общего и сравнительного языкознания большой научный интерес представляют словарики индейских племен, записанные Лангсдорфом и его спутниками в недрах девственных лесов и саванн бассейна реки Амазонки. Он уделил много внимания так называемому «общему языку» – лингва жерал (*Lingua Geral do Brasil*), в основе которого лежит язык тупи. «Общий язык» был принят миссионерами-иезуитами для религиозной пропаганды и использован португальскими колонистами для общения с туземцами (98).

Многочисленные полевые записи отражают результаты наблюдений участников экспедиции. Это описания ряда провинций, сведения о ландшафтах, городах, селениях, разного рода статистические данные по демографии провинций и заметки об этническом и социальном составе населения, неузнаваемо изменившемся за прошедшие столетия.

Не менее интересны сведения по физической географии: записи широт и долгот географических пунктов, регулярные барометрические наблюдения, измерения температуры, исследования режима рек, перечни водопадов и т.д. Не утратили своего значения материалы о золотоносных и алмазных округах в провинциях Минас-Жераис и Мато-Гроссо, содержащие сведения о способах и размерах добычи алмазов, об условиях труда на приисках, списки цен на алмазы.

Непреходящий исторический интерес представляют каталоги и научные описи отправленных в Петербург коллекций, свидетельствующие об огромных экспедиционных сборах и их научной ценности. Каждая из аннотированных описей зоологических и ботанических коллекций, составленных Лангсдорфом, ботаником Риделем и зоологом Менетрие, содержит не один десяток листов текста.

Сравнительно небольшое место занимают записи по этнографии Бразилии. Участники экспедиции наблюдали жизнь и быт индейских племен апиака, бороро, ботокудов, гуана, гуато, машакали, мундуруку. К сегодняшнему дню часть этих племен почти вымерла, другие давно подверглись влиянию бразильцев. Эти документы дополняет коллекция экспедиционных рисунков, хранящаяся в СПФ АРАН.

Репрезентативна коллекция документов по истории Бразилии, собранная Лангсдорфом. Это в основном копии документов, сделанные им в архивах, столичных и провинциальных учреждениях, домах представителей бразильской администрации.

Среди них имеются статистические таблицы с подробными сведениями о хозяйственной жизни и составе населения некоторых провинций. Сохранились и составленные Лангсдорфом конспекты работ о Бразилии. Определенный интерес представляет конспект неизвестного варианта статьи бразильского географа Ж. Виейра Коуту.

В полном составе дошел до нас картографический материал экспедиции Лангсдорфа, привезенный Рубцовым в Петербург в сентябре 1829 г. и после обработки сданный им в Гидрографический департамент Морского министерства. Эта группа документов включает 28 маршрутных карт и 8 планов населенных пунктов (Сантуса, Куябы, Диамантину и т.д.), которая сегодня хранится в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГАВМФ).

По широте задач и богатству собранного материала экспедиция могла бы стать эпохальной в изучении Бразилии, если бы этот материал был своевременно обработан и издан. Однако из-за болезни Лангсдорф не смог сам ввести в научный оборот богатейшие экспедиционные материалы, а другим участникам экспедиции эта задача была не по силам. В результате об экспедиции Лангсдорфа забыли на долгие

десятилетия, более того, экспедиционные материалы, за исключением коллекций, затерялись и в течение ста лет считались утраченными.

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ ЭКСПЕДИЦИИ

Наиболее существенным результатом экспедиции стали обширные естественнонаучные и этнографические сборы, которые в 1822–1830 гг. партиями поступали в Кунсткамеру и Ботанический сад. После преобразования в 1830-е гг. Кунсткамеры в специализированные музеи они составили основу южноамериканских коллекций Зоологического, Ботанического, Минералогического и Этнографического музеев.

В начале 1830-х гг. директор Зоологического музея академик Ф.Ф. Брандт обнаружил в кладовых Кунсткамеры неразобранные бразильские сборы Лангсдорфа. Хотя, по его словам, «доставленные Лангсдорфом предметы, за неимением искусного препаратора, были постановлены очень дурно» (99), сохранившиеся экземпляры были многочисленны и представляли большой научный интерес. Брандт стал первым исследователем фаунистических сборов Лангсдорфа и написал на их основе работу о новых и малоизвестных видах грызунов (100).

В настоящее время в Зоологическом институте РАН хранится 184 экземпляра млекопитающих (74 видов, 26 семейств) из бразильских сборов Лангсдорфа. В коллекции представлены опоссумы, обезьяны, муравьеды, броненосцы, тапиры, ягуары и многие другие животные (101). Значительная коллекция птичьих шкурок из Бразилии, присланная Лангсдорфом, составила основу орнитологического отдела музея (102). Ее изучением одним из первых занялся бывший участник экспедиции, хранитель Зоологического музея Менетрие (103).

В коллекции Зоологического института представлено около 1000 тушек птиц с этикетками, где указано имя Лангсдорфа, – многие виды птиц представлены хорошими сериями. Историк этой коллекции Р.Л. Потапов утверждает, что сохранилось гораздо больше экземпляров, но многие тушки в разное время утратили оригинальные этикетки, поэтому «их происхождение, почти навверное

связанное с экспедицией академика Лангсдорфа, к сожалению, не может быть подтверждено документально» (104).

Более половины всех южноамериканских птиц, которые сегодня экспонируются в витринах музея, было собрано экспедицией Лангсдорфа, и многим из них до сих пор нет равной замены. Уникальны экземпляры таких экзотических птиц, как солнечная цапля, королевский гриф, исполинский аист-ябиру и др.

Проблемным является вопрос о полноте сохранившихся ихтиологических сборов Лангсдорфа. В коллекциях Зоологического института обнаружено немногим более 30 видов пресноводных и 15 видов морских рыб, которые имеют этикетки «Лангсдорф», «Ридель», «Менетрие» или «Бразилия». Между тем на рисунках художников экспедиции изображены пресноводные и морские рыбы Бразилии почти 40 видов, многие из которых в коллекциях института сегодня не представлены. По мнению современных исследователей, «во время организации Зоологического музея рыбы из сборов Лангсдорфа не составляли единой коллекции и отбирались из запасников Кунсткамеры постепенно, поэтому многие спиртовые экспонаты могли погибнуть» (105). Серьезный урон был нанесен коллекциям во время наводнения 1924 г., а затем в годы блокады Ленинграда. Значительная часть ихтиологических сборов экспедиции в настоящее время утрачена.

Энтомологические коллекции были весьма обширны. Только одна коллекция, присланная в 1821 г., насчитывала более 6000 экземпляров. В конце того же года дополнительно поступила огромная коллекция бабочек.

Хотя точное количество и состав энтомологических сборов Лангсдорфа пока не установлены, не приходится сомневаться в том, что его коллекция тропических насекомых была в то время одной из лучших в мире. В искусстве ловли бабочек Лангсдорфу не было равных. «Бабочки и букашки есть его герои», – говорили о нем в Бразилии знакомые (106).

Не завершена обработка и герпетологической коллекции Лангсдорфа.

Минералогическая коллекция была очень богата. Не может быть сомнений в том, что составление коллекции драгоценных камней являлось первоочередной задачей экспедиции, и именно на эти цели были выделены огромные по тем временам деньги. Лангсдорф писал,

что он составил такую коллекцию алмазов, какую до него никому не удавалось собрать.

Отправляя в феврале 1828 г. в Петербург коллекцию из 27 алмазов и слиток золота, Лангсдорф написал Нессельроде: «Я прямо, без всякого намека прошу подарить мне в виду большого количества крупных находок алмазов, некоторые маленькие, которые ни для коммерции, ни для украшений не годятся, могут же служить только украшением и поучением в минералогической коллекции. При поисках я все свое внимание сосредоточил на строении кристаллов и цвета их на воде. Алмазы, так же как и слиток чистого золота и другие слитки, могут быть украшением в Императорском кабинете, например, в Эрмитаже или же в собрании Имп. Минералогического общества в С.-Петербурге или же где Ваше сиятельство найдет целесообразным» (107).

В академический Минералогический музей поступило лишь малая часть сборов Лангсдорфа. Известно общее число минералов, но без указания их названий или ценности: в 1822 г. поступило 68 экземпляров, в 1829 г. – 57 (108). Помимо этого, в 1851 г. Министерство иностранных дел передало в Академию наук отдельные экземпляры из минералогических сборов Лангсдорфа (109). Небольшая часть бразильских минералов в настоящее время хранится в Минералогическом музее им. А.Е. Ферсмана в Москве.

Судьба основной части коллекции неизвестна.

Между академическим Ботаническим музеем и Императорским Ботаническим садом велась многолетняя борьба за обладание гербарием экспедиции, которая завершилась только в 1841 г. Владельцем одного из самых крупных в мире собраний тропической флоры стал Ботанический сад, находившийся в ведении Министерства внутренних дел. Лишь небольшая часть коллекции попала в Ботанический музей ИАН. После объединения музея и сада в Ботанический институт АН СССР в 1931 г. все ботанические коллекции бразильской экспедиции Лангсдорфа наконец-то были собраны в одном месте (110).

Коллекция, известная в ботанике как коллекция Лангсдорфа-Риделя, составляет около 100 тысяч гербарных листов и примерно 12 тысяч видов (111). Гербарий является предметом особой гордости русских ботаников – он долго служил и теперь еще служит неисчерпаемым материалом для разработки флоры Бразилии (112). Изучением

гербария занималось не одно поколение отечественных и зарубежных ученых. Что касается древесных пород, то лишь небольшая часть срезов древесины поступила в русские коллекции в виде образцов. Около пяти тонн дерева ценных южноамериканских пород было отправлено из Бразилии для украшения внутренних помещений дворцов в Царском Селе и Петергофе, однако оно так и не было использовано (113).

Исключительную ценность имеют этнографические коллекции, собранные экспедицией. В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН хранятся 100 предметов из экспедиции Лангсдорфа. Однако в XIX в. ими никто не занимался, более того, едва кто-либо в Академии знал об их существовании. Вплоть до 1894 г., когда директором Музея по антропологии и этнографии был назначен академик В.В. Радлов, музей находился в плачевном состоянии и даже не заслуживал своего названия, по сути став «временной кладовой» для хранения этнографических материалов.

Радлов превратил музей в подлинно научное учреждение – он объединил вокруг него молодых сотрудников, которые энергично взялись за каталогизацию и обработку старых коллекций и формирование новой экспозиции. Одним из них был этнограф-любитель К.К. Гильзен, который по приглашению Радлова в 1911 г. стал заведующим отделом Центральной и Южной Америки. Именно Гильзен «открыл» в своем отделе этнографические предметы, имевшие этикетки с именем Лангсдорфа.

В отличие от естественнонаучных коллекций, которые, как правило, при порче или утрате было возможно восстановить через новые сборы, этнографические коллекции нередко становятся невозможными. Со временем они не только не теряют свое значение для науки, а, напротив, их ценность возрастает, причем некоторые из них становятся настоящим сокровищем. Этнографические сборы экспедиции Лангсдорфа считались уникальными уже в 1910-е гг., потому что они относились «к еще почти нетронутому быту диких племен, отчасти даже вовсе с тех пор исчезнувших, как-то: своеобразной группы племен борорó или приобщившихся в наше время европейскому быту племен мундуруку, апиака» (114).

Познавательное значение коллекций Лангсдорфа невозможно переоценить. Благодаря им не одно поколение посетителей академических музеев приобщилось к миру экзотической флоры и

фауны. Они могут любоваться красотами тропической природы и знакомиться с бытом и обычаями коренного населения Бразилии. И сегодня сборы экспедиции Лангсдорфа образуют ядро южноамериканских отделов академических музеев. Вместе с собраниями таких исследователей, как П.С. Паллас, Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов, они составляют золотой фонд академических коллекций.

АРХИВ ЭКСПЕДИЦИИ

После окончания экспедиции Лангсдорфа значительная часть архива была привезена в Петербург вместе с естественнонаучными коллекциями. Ее руководитель из-за болезни не мог проследить за тем, чтобы рукописный архив экспедиции был выделен из состава собранных коллекций. При упаковке ящиков рукописи было удобно размещать вместе с гербарными папками, и в таком виде в 1841 г. они поступили в Ботанический сад АН. Хотя гербарием занимались многие ученые, до разбора архива руки не дошли. Вскоре и вовсе забыли, где хранится экспедиционный архив.

Только в 1930 г. научный сотрудник Архива АН СССР Л.Б. Модзалевский случайно обнаружил среди папок с гербарием, привезенным из Бразилии в 1829 г., большой по объему и хорошо сохранившийся архив экспедиции. В том же году материалы были переданы в Архив АН СССР. В 1936 г. из Музея этнографии в академический архив поступил альбом этнографических рисунков, а в 1939 г. из Зоологического института – рисунки зоологического характера. Все эти материалы были объединены в фонд № 63 (Лангсдорф Г.И.).

Разбором архива Лангсдорфа, его систематизацией и описанием занимались М.В. Крутикова и Н.Г. Шпринцин. В 1950-е гг. были составлены новые подробные описи материалов экспедиции Лангсдорфа, открывшие доступ широкому кругу исследователей к материалам экспедиции.

Одновременно с описанием фонда Лангсдорфа велась работа по выявлению материалов экспедиции в других фондах и коллекциях Архива АН СССР.

В документах Общего собрания (Конференции) отложились письма, рапорты и научные работы Лангсдорфа. В 1953 г. Шпринцин обнаружила в бумагах вице-адмирала и писателя А.В. Фрейганга рукопись «Путешествие Лангсдорфа в Южную Америку в 1820-х годах». Шпринцин назвала эту рукопись «дневником» Рубцова (115). Б.Н. Комиссаров, напротив, утверждает, что она была написана Рубцовым уже по окончании экспедиции в 1830-х гг. на основе его путевых дневников, которые, однако, до сих пор не обнаружены (116).

Документальные материалы экспедиции, хранящиеся в настоящее время в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, продолжали пополняться. В 1971 г. из Библиотеки Ботанического института в Архив были переданы 67 рисунков художников экспедиции.

В 1990 г. Архив АН СССР приобрел у московского историка А.Е. Гайсиновича рукопись Менетрие, купленную им во второй половине 1940-х гг. в Москве в магазине «Академкнига» (117). Тетрадь с текстом на французском языке из 100 листов в потертом переплете оказалась дневником молодого Менетрие за период с октября 1821 г. по сентябрь 1825 г., где содержались разнообразные заметки о Бразилии (118). Лингвистические материалы Менетрие попали в фонд почетного члена Петербургской АН Ф.П. Аделунга. Они представляют собой словари языков пяти племен и содержат несколько сот слов и переводы их значений на французский язык.

Комплекс материалов по организации и финансированию экспедиции, доставке коллекций и рукописных материалов из Рио-де-Жанейро в Петербург сохранился в Архиве внешней политики Российской империи Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ, который содержит переписку Г.И. Лангсдорфа с министром иностранных дел К.В. Нессельроде. Отдельные научно-организационные документы представлены в Российском государственном историческом архиве. Картографические материалы экспедиции хранятся в Российском государственном архиве Военно-морского флота.

Деятельность Лангсдорфа нашла отражение в документах, рассеянных по архивам и рукописным собраниям Москвы, Санкт-Петербурга и Тарту (Эстония). Переписка и отдельные документы Лангсдорфа выявлены в Национальном архиве и Архиве Министерства иностранных дел Бразилии в Рио-де-Жанейро.

В 1973 г. было опубликовано описание материалов экспедиции Лангсдорфа в Бразилию, хранящихся в российских архивах (119). Далеко не все работы Лангсдорфа и других участников экспедиции попали в Россию, более того, известно местонахождение не всех доставленных в Петербург материалов. Архивные поиски продолжаются и могут принести счастливые находки. В 2012 г., при подготовке настоящей статьи, И.М. Щедрова обнаружила в фонде академика Ф.Ф. Брандта ранее неизвестный рисунок Ругендаса.

Активное изучение и введение в научный оборот экспедиционных материалов Лангсдорфа из академического архива началось с 1930-х гг., когда историей экспедиции заинтересовался генетик академик Н.И. Вавилов. Он проявил большой интерес к истории науки и к ее первооснове – документальным источникам. По возвращении из экспедиции в страны Латинской Америки в 1932–1933 гг. Н.И. Вавилов ознакомился с рукописными материалами Лангсдорфа. Узнав о рукописи Манизера, он воскликнул: «Грешно не издать такой труд!» И добавил, что вместе с этнографами он «двинет это дело» (120). Но при его жизни это сделать не удалось – работа Манизера увидела свет только в 1948 г.

Н.И. Вавилов выяснял возможность издания документального наследия экспедиции Лангсдорфа в полном объеме. В первую очередь, по его мнению, следовало воспроизвести экспедиционные рисунки. Хотя вопрос об издании в то время не был решен окончательно, была начата подготовка к публикации архива экспедиции.

За изучение материалов экспедиции взялась Шпринцин. При участии М.В. Крутиковой и В.А. Егорова она расшифровала ряд трудночитаемых рукописей из экспедиционного архива и описала его; предложила классификацию входящих в архив материалов, исследовала и опубликовала некоторые документы, касающиеся этнографии и лингвистики; подготовила к печати и прокомментировала труд Манизера.

В 1930–1940-е гг. Шпринцин предприняла несколько попыток опубликовать большой альбом, включающий 130 рисунков этнографического характера и пейзажей, выполненных художниками экспедиции в Бразилию: готовила вводную статью и пояснительные тексты к изображениям. Однако этот проект не был осуществлен (121).

Подводя в 1974 г. предварительные итоги изучения научного наследия академика Г.И. Лангсдорфа, Б.Н. Комиссаров представил план будущего многотомного академического издания всего литературного и архивного наследия ученого и архива экспедиции, включающего более двух тысяч листов рукописей. В настоящее время издана лишь небольшая часть архива экспедиции; многие подготовленные к печати рукописи по-прежнему остаются в личных фондах тех исследователей, которые их изучали. К этим материалам постоянно обращаются историки науки.

Слова Б.Н. Комиссарова, сказанные им 40 лет назад, до сих пор актуальны: «Издание сочинений и архивного наследия академика Г.И. Лангсдорфа, а также завершение обработки его коллекций – почетный долг Академии наук перед русской и мировой наукой» (122).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Академик Г.И. Лангсдорф и русская экспедиция в Бразилию в 1821–1836 гг.: Библиографический указатель / Сост. К.В. Александрова; под ред. Д.Е. Бертельса и Б.Н. Комиссарова. Л., 1979.
2. Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения академика Г.И. Лангсдорфа (Проблемы исследования Америки в XIX-XX вв.). Ленинград, 22-24 октября 1974 г.: Тезисы докладов. Л., 1974.
3. Комиссаров Б.Н. 1) Григорий Иванович Лангсдорф. 1774–1852. Л., 1975; 2) Первая русская экспедиция в Бразилию. Л., 1977; 3) Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века. Л., 1977.
4. A expedição científica de G.I. Langsdorff ao Brasil 1821–1829: Catálogo completo do material existente nos arquivos da União Soviética. Edição organizada por D.E. Bertels, B.N. Comissarov, T.I. Lisenko. Coordenação de L.A. Chur. Rio de Janeiro, 1981.
5. Expedição Langsdorff ao Brasil 1821–1829: Aquarelas e desenhos. Rio de Janeiro, 1988. Vol. 1: Rugendas; Vol. 2: Taunay; Vol. 3: Florence; Expedição Langsdorff. Catálogo aquarelas e desenhos. Rio de Janeiro, 2010.
6. Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 гг. на корабле «Надежде» и «Неве». СПб., 1809. Ч.1. С.35.

7. Левенштерн Е.Е. Вокруг света с Иваном Крузенштерном / Сост. А.В. Крузенштерн, О.М. Федорова, Т.К. Шафрановская; Пер. с нем. Т.К. Шафрановской. СПб., 2003. С.49.
8. Там же. С. 94.
9. Langsdorff G. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Frankfurt a/M., 1812. Bd. I-II. В переводе на русский язык были опубликованы лишь фрагменты текста. С м.:Академик Г.И. Лангсдорф и русская экспедиция в Бразилию в 1821–1836 гг.: Библиографический указатель. С.12-18.
10. Plantes recueillies pendant le voyage des Russes autour du monde. Expédition dirigée par I.F. v. Krusenstern / Publiées par G.H. v. Langsdorff et F.E.L. Fischer. Tübingen, 1810. P.2.
11. Becher H. Georg Heinrich Freiherr von Langsdorff in Brasilien: Forschungen eines deutschen Gelehrten im 19. Jahrhundert. Berlin, 1987. S.4-5 (Völkerkundliche Abhandlungen. Bd. X).
12. Дневник русской комплексной академической экспедиции в Бразилию в 1824–1826 гг. под началом академика Г.И. Лангсдорфа/ Отв. ред. чл.-корр. РАН С.Р. Микулинский; сост. Н.М. Осипова; авторы вступ. статей и комментариев Н.М. Осипова и Б.А. Старостин. М., 1995. С.232. (Научное наследство. Т.23) (далее – Дневник).
13. Цит. по: Манизер Г.Г. Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию. С.34.
14. Цит. по: СПФ АРАН. Р.IV. Оп.1. Д.1012. Л.2-2 об. Оригинал документа находится в АВПРИ. См.: Комиссаров Б.Н. Первая русская экспедиция в Бразилию. С.25.
15. Там же.
16. СПФ АРАН. Ф.1. Оп.2-1821 г. Д.19 (§210). Л.1-1 об.
17. Крыжановский О.Л. Эдуард Менетриэ (из неопубликованных работ). URL: <http://www.zin.ru/animalia/Coleoptera/rus/menetrie.htm> (дата обращения: 15.07.2012 г.)
18. Некрутенко Ю.П. Дневные бабочки Кавказа. Киев, 1990. С.16.
19. СПФ АРАН. Р.IV. Оп.1. Д.359. Л.1-85.
20. Гайсинович А.Е., Комиссаров Б.Н. Новые бразильские рукописи Э.П. Менетриэ // Известия Всесоюзного географического общества. 1968. Т.100. Вып.3. С.249.
21. Алексеев А.И., Комиссаров Б.Н. Н.Г. Рубцов и его роль в исследовании Бразилии // Известия Всесоюзного географического общества. 1966. Т.98. С.500-506.

22. СПФ АРАН. Ф.63. О.1. Д.9. Л.1-25; Ф.1. Оп.2-1824. Д.26. §290. Л.3-21.
23. Бразилия в описаниях участников русской экспедиции 1821–1829 годов // Новая и новейшая история. 1966. №3. С.122-124.
24. Дневник С.203.
25. Некрасова В.Л., Пруссак А.В. К истории Бразильского филиала С.-Петербургского Ботанического сада (1831–1836 гг.) и бразильских коллекций Лангсдорфа и Риделя // Ботанический журнал. 1957. Т.42. №5. С.804-813.
26. СПФ АРАН. Ф.63. Оп.1. Д.16.
27. Цит. по: Манизер Г.Г. Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию. С.38.
28. Allgemeine Deutsche Biographie. 1889. Bd.29. S.601; Riechert G. Johann Moritz Rugendas ein deutscher Maler des XIX. Jahrhunderts. Berlin. 1959; Diener P. Rugendas: 1802–1858. Augsburg, 1998; Diener P., Costa M.F. Rugendas e o Brasil. São Paulo, 2002.
29. СПФ АРАН. Ф.63. Оп.1. Д.43. Л.10-12.
30. Grand Larousse encyclopédique. 1964. Т.10. Р.187.
31. СПФ АРАН. Р.IV. Оп.69. Д.17. Л.28. Перевод Н.Г. Шпринцин.
32. СПФ АРАН. Р.IV. Оп.69. Д.17. Л.65. Перевод Н.Г. Шпринцин.
33. Luret W. Les trois vies d'Hercule Florence. Paris, 2001.
34. Viagem Fluvial do Tietê ao Amasonas de 1825 a 1829 por Hercules Florence. São Paulo, 1948. P. VIII.
35. СПФ АРАН. Ф.63. Оп.1. Д.35. Л.1-5. Название рукописи – «Esquisse pittoresque du voyage de Porto Feliz à Cuyaba et explication de dessins ci joint» («Живописное описание путешествия из Порту Филис в Куяба и объяснение приложенных рисунков»).
36. Шпринцин Н.Г. «Живописное описание путешествия из Порту Филис в Куяба» Г. Флоранса // Советская этнография. 1936. №6. С.104-110.
37. См.: Академик Г.И. Лангсдорф и русская экспедиция в Бразилию в 1821–1836 гг.: Библиографический указатель / Составила К.В. Александрова под редакцией Д.Е. Бертельса и Б.Н. Комиссарова. Л., 1979. С.49-52.
38. СПФ АРАН. Ф.63. Оп.1. Д.8: «Continuation de l'esquisse du voyage de M. de Langsdorff dans l'intérieur du Brésil, depuis S-bre 1825 jusqu'en Mars 1829. Par le 2-me Dessinateur de ce voyage Hercule Florence. Livre deuxième» («Продолжение очерка путешествия господина де Лангсдорфа в глубь Бразилии с сентября 1825 по март 1829 года второго художника этого путешествия Геркуля Флоранса. Книга вторая»).

39. СПФ АРАН. Р.IV. Оп.69. Д.15.

40. Комиссаров Б.Н. 1) Из дневника участника русской научной экспедиции в Бразилию в 1821–1829 гг. // Латинская Америка. 1972. №5. С.144-160; 2) Продолжение очерка путешествия господина де Лангсдорфа в глубь Бразилии с сентября 1825 по март 1829 года второго художника этого путешествия Геркуля Флоранса // Там же. 1973. №1. С.142-161.

41. Комиссаров Б.Н. Из дневника участника русской научной экспедиции в Бразилию в 1821–1829 гг. // Латинская Америка. 1972. №5. С.151.

42. Цит. по: Комиссаров Б.Н. Из дневника участника русской научной экспедиции в Бразилию в 1821–1829 гг. // Латинская Америка. 1972. №5. С.147.

43. Дневник русской комплексной академической экспедиции в Бразилию в 1824–1826 гг. под началом академика Г.И. Лангсдорфа.

44. Os Diários de Langsdorff / Editores B.N. Komissarov e outros; Associação Internacional de Estudos Langsdorff. Campinas; Rio de Janeiro, 1996. Vol.I: Rio de Janeiro e Minas Gerais. 8 de maio de 1824 a de fevereiro de 1825; Os Diários de Langsdorff / Editores B.N. Komissarov e outros; Associação Internacional de Estudos Langsdorff. Campinas; Rio de Janeiro, 1997. Vol.II: São Paulo. 26 de agosto de 1825 a 22 de novembro de 1826; Os Diários de Langsdorff / Editores B.N. Komissarov e outros; Associação Internacional de Estudos Langsdorff. Campinas; Rio de Janeiro, 1998. Vol.III: Mato Grosso e Amazonia. 21 de novembro de 1826 a 20 de maio de 1828.

45. Письмо Г.И. Лангсдорфа акад. К.А. Триниусу от 1 августа 1824 г. Цит. по: Комиссаров Б.Н. Бразильская fazenda первой трети XIX в. в дневниках Г.И. Лангсдорфа и на картах Н.Г. Рубцова // Вестник Ленинградского университета. 1969. №8. С.64.

46. Дневник С.18.

47. Дневник. С.20.

48. Дневник. С.27.

49. Дневник. С.35.

50. Дневник. С.40.

51. Дневник. С.40.

52. Дневник. С.88-89.

53. Цит. по: СПФ АРАН. Р.IV. Оп.69. Д.17. Л.45.

54. Дневник. С.98.

55. Дневник. С.99.

56. Дневник. С.133-134.

57. Дневник. С.203.
58. Дневник. С.163.
59. Дневник. С.201.
60. Дневник. С.201.
61. СПФ АРАН. Ф.63. Оп.1. Д.46. Л.26-26 об.: Письмо Г.И. Лангсдорфа к К.В. Нессельроде от 30.08.1825. Рус. перевод см.: Р.IV. Оп.69. Д.17. Л.52.
62. Дневник. С.232.
63. Бразилия в описаниях участников русской экспедиции 1821–1829 годов. С.123.
64. СПФ АРАН. Ф.63. Оп.1. Д.46. Л.39: Письмо Г.И. Лангсдорфа к К.В. Нессельроде от 20.02.1827 г.
65. Цит. по: Комиссаров Б.Н. Первая русская экспедиция в Бразилию. С.56.
66. Шпринцин Н.Г. «Живописное описание путешествия из Порту Филис в Куяба» Г. Флоранса // Советская этнография. 1936. №6. С.106.
67. СПФ АРАН. Р.IV. Оп.1. Д.1012. Л.64 об.-65.
68. Цит. по: Комиссаров Б.Н. Первая русская экспедиция в Бразилию. С.58.
69. СПФ АРАН. Ф.63. Оп.1. Д.3. Л.111.
70. Манизер Г.Г. Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию. С.64.
71. СПФ АРАН. Р.IV. Оп.1. Д.1012. Л.71 об.
72. Письмо Г.И. Лангсдорфа в Академию наук 2 апреля 1827 г. Цит. по: Стрельников И.Д. Русская экспедиция в Бразилию академика Г.И. Лангсдорфа (1821–1829) // Природа. 1929. №1. Стлб.50.
73. СПФ АРАН. Ф.63. Оп.1. Д.8. Л.3 об. Перевод Н.Г. Шпринцин: СПФ АРАН. Р.IV. Оп.69. Д.15. Л.8-9.
74. СПФ АРАН. Ф.63. Оп.1. Д.8. Л.4 об.; Р.IV. Оп.69. Д.15. Л.10. Перевод Н.Г. Шпринцин.
75. СПФ АРАН. Р.IV. Оп.69. Д.17. Л.8: Письмо Г.И. Лангсдорфа дочерям Минхен и Элизе 30 ноября 1827 г. Перевод Н.Г. Шпринцин.
76. СПФ АРАН. Ф.63. Оп.1. Д.46. Л.44 об.-45.
77. СПФ АРАН. Р.IV. Оп.69. Д.17. Л.6-7. Перевод Н.Г. Шпринцин.
78. СПФ АРАН. Р.IV. Оп.69. Д.17. Л.6-7. Перевод Н.Г. Шпринцин.
79. СПФ АРАН. Ф.63. Оп.1. Д.6. Л.10: Запись 02.02.1828 г.; Р.IV. Оп.69. Д.17. Л.29. Перевод Н.Г. Шпринцин.

80. Цит. по: Манизер Г.Г. Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию. С.132-133.
81. Цит. по: Манизер Г.Г. Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию. С.147.
82. СПФ АРАН. Р.IV. Оп.1. Д.1012. Л.79.
83. СПФ АРАН. Ф.63. Оп.1. Д.41. Л.12-15.
84. Некрасова В.Л., Пруссак А.В. К истории Бразильского филиала С.-Петербургского Ботанического сада (1831–1836 гг.) и бразильских коллекций Лангсдорфа и Риделя // Ботанический журнал. 1957. Т.42. №5. С.812.
85. Академик Г.И. Лангсдорф и русская экспедиция в Бразилию в 1821–1836 гг.: Библиографический указатель.
86. Академик Г.И. Лангсдорф и русская экспедиция в Бразилию в 1821–1836 гг. Библиографический указатель. С.36-40; Материалы экспедиции академика Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821–1829 гг.: Научное описание. С.47-48, 58-59.
87. Крыжановский О.Л. Эдуард Менетриэ (из неопубликованных работ). URL: <http://www.zin.ru/animalia/Coleoptera/rus/menetrie.htm> (дата обращения: 15.07.2012 г.)
88. Rugendas J.M. Malerische Reise in Brasilien. Mülhausen, 1827.
89. Riechert G. Johann Moritz Rugendas ein deutscher Maler des XIX. Jahrhunderts. Berlin, 1959. S.63.
90. Langsdorff H. Kurze Bemerkungen über Anwendung und Wirkung der Cainca-wurzel. Rio de Janeiro, 1827.
91. СПФ АРАН. Ф.1. Оп.2 -1825. Д.21. §220. Л.1-3 об.; Р.I. Оп.129.Д.12. Л.1-4; Ф.63. Оп.1. Д.17. Л.32; Д.29. Л.19-63.
92. Дневник. С.249-250.
93. Brandt J.F. Mammalium rodentium exoticorum novorum vel minus rite cognitorum musei Aca demici zoologici descriptiones et icones// Mémoires de l' Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg. Série VI. Sciences mathématiques, physiques et naturelles. 1865. Т.3. 2-nde partie: Sciences naturelles. Т.1. Livr.4. P.357-442.
94. Abramov A.V., Baranova G.I. The Langsdorff's expedition to Brazil and its mammal collection kept in the Zoological Institute of St. Petersburg, Russia // Russian Journal of Theriology. 2008. Vol.7 (1). P.49.
95. СПФ АРАН. Ф.63. Оп.1. Д.34. Л.1-21.
96. СПФ АРАН. Ф.63. Оп.1. Д.38. Л.1-3.

97. Оригинал этой работы находится в Национальном архиве в Рио-де-Жанейро. Публ.: Becher H. Georg Heinrich Freiherr von Langsdorff in Brasilien: Forschungen eines deutschen Gelehrten im 19. Jahrhundert. Berlin, 1987 S.47-49 (Völkerkundliche Abhandlungen. Bd.X).

98. Васильева-Шведе О.К.

1) Лингвистические материалы русской экспедиции в Бразилию 1821-1829 гг. // Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина университета. 1947. №14-15. С.36-42; 2) Лингвистические материалы академика Г.И. Лангсдорфа // Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения академика Г.И. Лангсдорфа... Л., 1974. С.14-17.

99. Брандт Ф.Ф. Зоологический и зоотомический музей // Очерк истории музеев Императорской Академии наук. СПб, 1865. С.6.

100. Brandt J.F. Mammalium rodentium exoticorum novorum vel minus rite cognit orum musei Academici zoologici descriptiones et icones// Mémoires de l' Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg. Série VI. Sciences mathématiques, physiques et naturelles. 1865. Т.3. 2-nde partie: Sciences naturelles. Т.1. Livr.4. P.357-442.

101. Abramov A.V., Baranova G.I. The Langsdorff's expedition to Brazil and its mammal collection kept in the Zoological Institute of St. Petersburg, Russia // Russian Journal of Theriology. 2008. Vol.7 (1). P.41-50.

102. Штраух А.А. Зоологический музей Императорской Академии наук: Пятидесятилетие его существования. СПб., 1889. С.175.

103. Ménétriés E. Monographie de la famille des Myiothermae ou sont décrites les espèces qui ornent le Musée de l' Academie imp. Des sciences // Mémoires de l' Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg. Série VI. Sciences mathématiques, physiques et naturelles. 1865. Т.3. 2-nde partie: Sciences naturelles. Т.1. Livr.4. P.443-543.

104. Потапов Р.Л. Орнитологические сборы академика Г.И. Лангсдорфа в коллекциях Зоологического института АН СССР // Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения академика Г.И. Лангсдорфа... Л., 1974. С.33.

105. Неелова А.В. Ихтиологические коллекции академика Г.И. Лангсдорфа // Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения академика Г.И. Лангсдорфа... Л., 1974. С.26.

106. Комиссаров Б.Н. Григорий Иванович Лангсдорф. 1774–1852. С.65.

107. СПФ АРАН. Ф.63. Оп.1. Д.46. Л.19: Письмо Г.И. Лангсдорфа к К.В. Нессельроде 11.02.1828 г.; Р.IV. Оп.69. Д.17. Л.32: Перевод Н.Г. Шпринцин.

108. Гёбель А.Ф. Минералогический музей // Очерк истории музеев Императорской Академии наук. СПб., 1865. С.58-75.

109. СПФ АРАН. Ф.1. Оп.1. Д.111: Протокол заседания Конференции Академии от 17 октября 1851 г. §233.
110. Некрасова В.Л., Прусак А.В. К истории Бразильского филиала С.-Петербургского Ботанического сада (1831–1836 гг.) и бразильских коллекций Лангсдорфа и Риделя // Ботанический журнал. 1957. Т.42. №5. С.804-813.
111. Бобров А.Е. Г.И. Лангсдорф и исследования российских ботаников на Американском континенте в XIX веке (по материалам гербария Ботанического института АН СССР) // Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения академика Г.И. Лангсдорфа... Л., 1974. С.12-13.
112. Липский В.И. Гербарий Императорского С.-Петербургского Ботанического сада к концу его 75-летнего существования (1823–1898). СПб., 1898. С.108; Комаров В.Л. Путешествия и исследования ботаников Сада вне пределов России и стран с ней пограничных // Императорский С.-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). СПб., 1913. Ч.II-III. С.217.
113. Цит. по: Комиссаров Б.Н. Первая русская экспедиция в Бразилию. С.111.
114. Манисер Г.Г. Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию. С.44.
115. Шпринцин Н.Г. Первая русская экспедиция в Бразилию // Вопросы географии. Сб. статей для XVIII-го Международного географического конгресса. М.; Л., 1956. С.346.
116. Комиссаров Б.Н. Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века. С.110-111.
117. СПФ АРАН. Ф.63. Оп.1. Д.7 а.
118. Гайсинович А.Е., Комиссаров Б.Н. Новые бразильские рукописи Э.П. Менетрие // Известия Всесоюзного географического общества. 1968. Т.100. Вып.3. С.249.
119. Материалы экспедиции академика Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821–1829 гг.: Научное описание.
120. Черников А.М. Из воспоминаний о Н.И. Вавилове // Латинская Америка. 1978. №4. С.211.
121. СПФ АРАН. Ф.142. Оп.1-1934. Д.1. Л.75; Д.2. Л.23; Д.5. Л.37; Оп.1–1935. Д.4. Л.66, 129; Д.5. Л.38; Оп.1-1936. Д.2. Л.45, 46; Оп.1-1941. Д.28. Л.5, 29.
122. Комиссаров Б.Н. Изучение научного наследия академика Г.И. Лангсдорфа // Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения академика Г.И. Лангсдорфа... Л., 1974. С.7-8.

